

Вера Ивановна Крыжановская-Рочестер

Рекенштейны

Вера Крыжановская-Рочестер
Рекенштейны

«Public Domain»

1894

Крыжановская-Рочестер В. И.

Рекенштейны / В. И. Крыжановская-Рочестер — «Public Domain», 1894

«По одной из ухоженных дорог прирейнской Пруссии быстро мчалась щегольская карета, запряженная парой лошадей, которыми правил старый кучер в ливрее с графской короной на пуговицах. Сентябрь был на исходе, и осень уже давала себя чувствовать. Бесперывно шел мелкий, частый дождь, и все кругом тонуло в густом сероватом тумане. Дорога была гористая, окаймленная с обеих сторон сплошным лесом. Порой сквозь его прогалины открывались чудные ландшафты; но путник, сидевший в карете, казалось, был погружен в тяжелые думы и не обращал никакого внимания на местность, по которой проезжал. Ночной мешок, дорожный несессер и сундук на козлах показывали, что он едет издалека...»

© Крыжановская-Рочестер В. И., 1894

© Public Domain, 1894

Содержание

Часть I	5
Воспитатель	5
Арно и его мачеха	13
Цирцея	20
Скрытая борьба	33
Извинение	48
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Вера Крыжановская-Рочестер Рекенштейны

Часть I Габриела

Воспитатель

По одной из ухоженных дорог прирейнской Пруссии быстро мчалась щегольская карета, запряженная парой лошадей, которыми правил старый кучер в ливрее с графской короной на пуговицах. Сентябрь был на исходе, и осень уже давала себя чувствовать. Беспрерывно шел мелкий, частый дождь, и все кругом тонуло в густом сероватом тумане.

Дорога была гористая, окаймленная с обеих сторон сплошным лесом. Порой сквозь его прогалины открывались чудные ландшафты; но путник, сидевший в карете, казалось, был погружен в тяжелые думы и не обращал никакого внимания на местность, по которой проезжал. Ночной мешок, дорожный несессер и сундук на козлах показывали, что он едет издалека.

Путник был молодой человек лет 28, высокий, худощавый, но крепко сложенный; его характерное лицо с правильными чертами возбуждало симпатию. Он снял шляпу и откинул голову на подушки кареты; золотисто-русые волосы, короткие, но густые, мягкими прядями обрамляющие его белый широкий лоб, резко выделялись на синем фоне атласа; усы и небольшая борода были того же цвета. Брови, более темные, соединялись на лбу и оттеняли большие черные глаза, спокойные и строгие; в эту минуту они были отуманены сумрачной грустью, которая проглядывалась и в суровом выражении губ; но порой его мужественное лицо неожиданно озарялось отблеском энергии и гордости, граничащей с упрямством.

Барон Готфрид Веренфельс был последний отпрыск благородной и древней фамилии, обедневшей мало-помалу вследствие войн и несчастий. Отец его пытался поправить состояние спекуляциями, которые сначала удались, но потом окончательно разорили его. Подавленный этим несчастьем, старый барон застрелился, оставив своему единственному сыну лишь долги да заботу о матери и о молодой жене, с которой он едва только вступил в брак.

Более года Готфрид отчаянно боролся, чтобы сохранить маленькое имение, обеспечивающее ему скромное существование, но неожиданное банкротство лишило его этого последнего ресурса; смерть жены не менее жестоко поразила его сердце, и нервная болезнь приковала его к постели на несколько месяцев. Тотчас по выздоровлении молодой человек стал обдумывать, как создать себе новое положение. Он был разбит, но не уничтожен. С помощью одного из друзей Веренфельс поместил мать и свою маленькую Лилию, которой был тогда год и три месяца, к одной старой родственнице, своей крестной матери, а сам решил ехать в Америку попытать счастья. Он готовился к отъезду в Новый Свет, когда неожиданное предложение изменило его намерение.

Банкир Фридман, старинный друг его отца, не переставал оказывать доброе расположение молодому человеку; теперь он письменно просил его немедленно повидаться с ним по весьма важному делу.

Обменявшись поклоном с Готфридом, банкир сказал без всяких предисловий:

– Мой милый Веренфельс, я имею нечто предложить вам, и если вы согласитесь, то, по-моему, это будет выгодней, чем поездка в Америку. Я сейчас получил письмо от моего друга и клиента, графа Вилибальда Рекенштейна. Он просит меня рекомендовать ему человека

умного, образованного, хорошего круга, а главное, энергичного, который взял бы на себя воспитание его сына, мальчика с испорченным характером, вследствие несчастных обстоятельств, ленивого и дерзкого до крайности. В течение полугода он вывел из терпения трех воспитателей.

Вы считаете выгодной должностью быть козлом отпущения у такого чудовища? – спросил Готфрид с усмешкой.

– Погодите. Кроме этого чудовища, которому едва девять лет, в доме его отец – такой симпатичный и благородный человек, какого можно только себе представить; к тому же больной и одинокий. Он живет уединенно в своем Рекенштейнском замке. Практическая сторона дела – значительное вознаграждение, которое граф предлагает тому, кого я рекомендую; оно равняется жалованью большой государственной должности. Это сейчас вывело бы вас из затруднительного положения и дало бы вам возможность обеспечить вашей матери и вашему ребенку удобства жизни. Вы могли бы даже откладывать на будущее; таким образом, вам было бы легко впоследствии попытаться счастья в Новом Свете, когда вы исполните принятое вами обязательство, и маленький Танкред – согласно желанию отца – поступит в военную школу. Со свойственной вам энергией, я полагаю, вы справитесь с маленьким чертенком.

Готфрид опустил голову. Рассудок говорил ему, что его старый друг прав.

– А что так испортило этого несчастного ребенка?

– Это вина его матери, – отвечал Фридман. – Графиня, говорят, отчаянная кокетка, занята нарядами, жаждет всеобщего поклонения и отравляет всех, кто попадает в ее сети. Была она виновна перед своим мужем или нет, но только он имел дуэль с одним слишком ревностным ее обожателем. Графиня уехала от мужа и увезла Танкреда, которому было тогда три года. С тех пор она живет за границей, где ведет веселую жизнь, сохраняя, впрочем, внешнее приличие, так как возит с собой старую родственницу. Но сына своего она решительно развратила своим безграничным обожанием и потаканием его недостаткам.

Граф, серьезно раненный на дуэли, заперся с тех пор в своем замке, и только в прошлом году узнал, какое воспитание получает его сын. Он потребовал возвращения ребенка, и мать отдала его с условием увеличения ее годового содержания. Остальное вам известно. Я забыл лишь сказать, что, так как правая рука графа осталась слабой, вам придется помогать ему немного в его переписке.

Готфрид согласился принять предлагаемую ему должность, и мы застаем его едушим на место своего нового назначения. Какое-то тайное предчувствие теснило его грудь, а гордая душа возмущалась при мысли о подчиненном положении, которое ожидало его.

Глубоко вздохнув, он выпрямился, провел рукой по лбу, как бы желая отогнать докучливые думы, и, опустив стекло, стал глядеть в окно. Дорога в этом месте как бы надламывалась и довольно круто спускалась в долину, лежащую среди лесистых гор; в глубине ее, на холме возвышалось обширное здание, окруженное садами. То был Рекенштейн. Сердце молодого человека, неожиданно для него самого, почему-то сжалось.

Пока Готфрид рассматривал свою будущую резиденцию, карета въехала в аллею вековых дубов и повернула к золоченой решетке ворот, над которыми возвышался герб; затем, обогнув площадку, украшенную фонтаном, она остановилась у подъезда.

Два лакея выбежали встретить приезжего, и один из них, помогая ему выйти, почтительно сказал:

– Граф желает вас видеть, сударь, как скоро вы отдохнете.

– Проводите меня в назначенную мне комнату, я немного оправлюсь и тотчас пойду к графу.

Сопровождаемый лакеем, Готфрид прошел вестибюль, убранный цветами, откуда лестница с золочеными перилами, устланная ковром, вела в комнаты верхнего этажа; затем длинная анфилада парадных комнат привела его в прелестную маленькую залу, смежную со спальней, где слуги и сложили его вещи.

– Куда ведет эта дверь? – спросил Готфрид лакея, помогавшего ему переодеваться, указывая на полуспущенную портьеру.

– В комнату маленького графа; только теперь господин Танкред запер ее на ключ, так как он очень недоволен вашим приездом.

– Он сидит в запертой комнате?

– Маленький граф в саду. Он очень рассердился, когда доложили о вашем приезде; разбил большую китайскую вазу, положил ключ в карман и убежал.

Готфрид, окончив свой туалет, направился в комнаты владельца замка. Старый камердинер ввел молодого человека – доложив о нем предварительно – в кабинет графа. Обои и мебель темно-зеленого цвета придавали этой комнате суровый, мрачный вид.

Возле окна, в кресле с высокой спинкой, украшенной фамильным гербом, сидел человек лет пятидесяти. Ноги его, обложенные подушками, были укутаны одеялом; лицо, болезненно-бледное, сохраняло отпечаток замечательной красоты; темные глаза, отуманенные грустью, выражали доброту и страдание; волосы на голове, еще густые, начинали седеть.

– Добро пожаловать, господин Веренфельс! Мой старый друг Фридман писал мне о вас так много хорошего, что вы уже овладели моим доверием и моей симпатией, – сказал граф, протягивая Готфриду свою исхудалую руку и устремляя приветливый взгляд на красивую, атлетическую фигуру молодого человека.

– Благодарю вас, граф, постараюсь оправдать ваше доверие, – отвечал Готфрид, садясь в кресло, на которое указал ему граф.

– Тяжелую обязанность я взваливаю на ваши плечи, мой юный друг, – продолжал хозяин дома. – Характер Танкреда таков, что и я понять не могу, откуда он мог взять такие манеры. Его грубость и леность невообразимы; у него отвращение ко всякому труду. Никто до сих пор не мог побороть его упрямства, а когда он впадает в бешенство, то не помнит себя. А между тем когда вы его увидите, то пожалеете, как и я, что это маленькое существо, так богато одаренное, погибает нравственно.

– Я сделаю все, что человечески возможно, чтобы исправить вашего сына. Но разрешите ли вы мне, граф, употребить меры строгости, если я найду это нужным?

– О, конечно, даю вам на то полное право. Передаю вам, так сказать, мою отеческую власть. Наказывайте строго, секите его, если он того заслужит. Я сам давно должен был начать это делать, но мое болезненное состояние лишило меня всяких сил.

В эту минуту в соседней комнате раздался стук шагов, и в кабинет ворвался маленький мальчик в синей суконной матроске.

Готфрид с любопытством глядел на него и ему стали понятны и сожаление графа и его слабость к сыну. Никогда он не видал такого красивого ребенка. Бледное личико с тонкими и правильными чертами камен, обрамленное длинными черными локонами с синеватым отливом, казалось идеалом, который мог создать лишь великий художник. Но пурпуровый ротик выдавал своеволие и упрямство, а большие синие, как васильки, глаза сверкали гордостью и дерзостью.

Увидев нового воспитателя, Танкред остановился и, не удостоив поклоном, смерил его презрительным взглядом.

– Черт его принес! – проворчал он. Затем отвернулся, бросился в кресло, положил ноги на стол и, схватив папироску, зажег ее и стал курить.

– Вот видите! – сказал граф с унынием, и в его голосе и жесте слышалось нервное раздражение.

– Я приступлю к воспитанию моего ученика и заставлю его уяснить, как он должен вести себя в присутствии отца. – Затем Готфрид спокойно подошел к Танкреду, взял у него папироску, бросил ее в пепельницу и, приподняв мальчика, поставил его на ноги.

– Маленьким детям не полагается курить, и я запрещаю тебе дотрагиваться до папирос, – сказал он строго. – И чтобы я в первый и последний раз видел, что ты позволяешь себе так непристойно держаться перед своим отцом и передо мной. Берегись не слушаться меня, если не хочешь быть строго наказанным.

Танкред на минуту как бы окаменел, затем, дрожа от злости, кинулся к отцу и, топя ногами, закричал:

– Папа, ни одного дня не смей оставлять здесь этого нахала, который позволяет себе дотрагиваться своими грязными руками до графа Рекенштейна и угрожать ему; прогони его тотчас же. Я этого хочу.

– Танкред, не стыдно ли тебе! Ты совсем не любишь меня, если причиняешь мне такие волнения, – проговорил граф слабым голосом.

Мальчик бросился к нему, обхватил его шею и зарыдал.

– Я не хочу никого слушаться, – твердил он сквозь слезы. – У мамы все делали, что я хотел. Учиться мне скучно. Если ты хочешь, чтобы я тебя любил, прогони этого грубияна.

– Будь благоразумен, дитя мое, – отвечал граф, целуя кудрявую головку мальчика. – Господин Веренфельс твой воспитатель; ты должен его уважать и слушаться. Будь вежлив, прилежен, и он будет к тебе добр. Графу Рекенштейну необходимо учиться; блестящий офицер, каким ты хочешь быть со временем, не может оставаться невеждой, не умеющим ни читать, ни писать.

Граф замолчал и, бледнея, откинулся на спинку кресла. Готфрид поспешно подошел и, отводя Танкреда, сказал:

– Видишь, как твое поведение огорчает отца. И как тебе не стыдно так плакать; большой мальчик рыдает от того, что надо учиться. Какой срам! Пойдем.

Танкред хотел было воспротивиться, но, встретив спокойный, энергичный взгляд своего нового воспитателя, опустил голову, дал взять себя за руку и покорно пошел за Готфридом.

Придя в свою комнату, Готфрид с тем спокойствием, которое, по-видимому, действовало внушительно на воспитанника, приказал ему отпереть замкнутую дверь. После минутного колебания, Танкред вынул из кармана ключ и молча, с угрюмым взглядом, подал его лакею. Дверь мгновенно была открыта.

С новым удивлением Готфрид вошел в спальню с голубой атласной обивкой на стенах и на мебели. Широкая кровать, украшенная кружевами, стояла на возвышении, покрытом мехом; рамка туалетного зеркала из массивного серебра изображала амуров, держащих свечи. Готфрид почувствовал неприятное смущение, и спросил лакея, не по приказанию ли графа была так убрана комната его сына.

– Нет, – отвечал лакей. – Это господин Танкред хотел непременно занять комнаты графини, а так как сам барин ни во что не вмешивается, то управляющий приготовил и для вас будуар и уборную матери мальчика.

В тот же вечер за игрой в шахматы с графом Готфрид попросил у него разрешения занять со своим воспитанником другое помещение, более соответствующее нуждам ученика.

– Конечно, – отвечал граф, – выбирайте какие хотите комнаты. Я отдам распоряжение управляющему устроить их согласно вашим указаниям.

На следующий день, осмотрев замок, Готфрид выбрал четыре комнаты, смежные со средней частью здания времен Возрождения; одна из них выходила на широкую террасу, ведущую в сад. Танкред был взбешен этой переменой. Он не смел высказывать своего недовольства, так как его воспитатель внушал ему невольный страх; но затаенная злоба кипела в нем и при первом случае вырвалась наружу.

Это было на третий день их водворения в новом помещении. Они были в классной комнате, смежной с террасой. Готфрид сидел у окна и читал газету. Танкред, стоя у дверей террасы

с книгой в руках, не учился, а барабанил с досадой по стеклу. Вошел лакей и положил на стол большую пачку тетрадей.

– Возьми прочь этот хлам, который я видеть не хочу, и убирайся к черту, – крикнул Танкред, взглянув искоса на врагов своего спокойствия. Заметив, что лакей не обращает никакого внимания на его слова, Танкред побагровел, разбил ногой стекло балкона, подбежал к столу, схватил тетради и швырнул их в лицо лакею, осыпая его потоками брани.

Готфрид, молча следивший за этой сценой, встал и без раздражения, но как человек, обладающий непреодолимой властью, взял маленького графа за уши, поставил его на колени и сказал:

– Подними тетради и положи их в порядке; пока этого не сделаешь, не будешь обедать.

Такое обращение и такая угроза довели озлобленного мальчика до крайнего раздражения. Он вскочил на ноги, бросился на лакея, колотя его кулаками и ногами, ухватился за его жилет, оторвал от него карман и неистово закричал:

– Негодяй, каналья, я сверну тебе шею, если ты сию минуту не возьмешь его за шиворот и не вышвырнешь прочь. Если же послушаешься меня, я тебе дам десять талеров!

Готфрид, видя, что надо приступить к энергичным мерам, чтобы остановить зло в корне, взял камышовую тросточку, гибкую как хлыстик, и прежде чем маленький граф мог ожидать чего-нибудь подобного, он был схвачен и подвергнут примерному наказанию. Напрасно он вырывался из железной руки, которая его держала: силы и упрямство его были преодолены, что и сказалось потоком слез. В первый раз непокорный ребенок был побежден.

Чтобы дать своему ученику возможность поразмыслить в одиночестве о суровом уроке, который ему был преподан, Готфрид оставил его обедать одного в своей комнате. Но когда, отобедав сам с графом, Веренфельс возвратился к себе, то не нашел уже там Танкреда, он убежал и его нигде нельзя было найти.

– Должно быть, он побежал к судье, – сказал Петр.

– К какому судье?

– К уездному судье, Линднеру. Он живет в Рекенштейнской деревне, по ту сторону парка. У него много детей одного возраста с маленьким графом, и господин Танкред любит туда ходить.

Готфрид взял шляпу и пальто и, расспросив, какой дорогой идти, отправился искать своего ученика. Погода была великолепная. Маленькая боковая дверь в бронзовой решетке была открыта, и Готфрид вошел в аллею дубов и лип, в конце которой виднелись дома большого села и высокая колокольня церкви. Девочка, сидевшая с вязаньем на пороге первого домика, вежливо указала ему дом судьи, находившийся по ту сторону улицы, несколько в стороне и окруженный хорошо ухоженным садом и огородом. Широкий балкон, обвитый виноградником, белые занавеси и великолепные цветы на всех окнах придавали этому уютному жилищу свежий и изящный вид.

Перед верандой два маленьких мальчика, семи и девяти лет, играли с деревянной лошадкой; пятилетняя девочка нанизывала красные ягоды на длинную нитку.

– Дома ваши родители? – спросил Готфрид, кланяясь дружески детям.

– Отец вышел, – отвечал старший мальчик, снимая с головы свою соломенную шляпу. – Но мама там, в саду, с Танкредом. Он не захотел играть с нами, и мама велела нам уйти.

Молодой человек пошел по указанной аллее и вскоре увидел беседку из жимолости, под тенью которой на скамейке сидела молодая женщина в темном платье и белом переднике. Обняв рукой Танкреда, припавшего кудрявой головой к ее груди, она что-то тихо говорила ему, видимо, стараясь его успокоить.

Заметив посетителя, поклонившегося ей, госпожа Линднер протянула ему руку и приветливо спросила:

– Вы пришли, вероятно, за вашим маленьким беглецом?

– Да, сударыня. Но если позволите, я отдохну у вас немного.

Танкред быстро приподнялся и, увидев Готфрида, схватился обеими руками за голову и, топнув ногой, крикнул с комическим отчаянием:

– Даже сюда я не могу убежать, чтобы спастись от тирании. Ах, если бы мама знала, как я несчастлив, как меня мучают, она не отдала бы меня. Я всех ненавижу в замке, и папу и вас, которого он называет своим другом и которому поручил убивать меня.

– Танкред, можно ли так говорить об отце и о своем воспитателе, – перебила его госпожа Линднер.

– О моем тюремщике, о моем палаче! – возразил неукротимый мальчик.

– Замолчи. Я не хочу больше слышать ничего подобного. Ступай играть с Конрадом и с Франсуа. Иди, будь умником. Обещаешь ты мне это?

Танкред медленным шагом направился к своим товарищам.

Готфрид сел на скамейку, с которой госпожа Линднер сняла корзинку с детским бельем и со связкой ключей.

– Трудная ваша обязанность, господин Веренфельс! У Танкреда тяжелый характер, – сказала она, – это несчастный, брошенный ребенок. Для матери он служил всегда игрушкой, предметом ее фантазий, ее прихотей; а голова французов, приставленных к нему, была вечно занята интригами. Танкред всегда любил приходить сюда; гувернантки пользовались этим; предоставляя его мне, они свободно занимались своими любовными делами.

– Да, положение ребенка печальное, – сказал Готфрид, снимая шляпу и проводя рукой по волосам, – но нелегкое и для графа. Он, по-видимому, обожает своего сына.

– Конечно. Танкред – живой портрет графини, которую граф боготворил. Надо сказать правду, она такая красавица, что ей нет подобной; но при этом пустая светская женщина. Граф, должно быть, не раз пожалел свою первую жену, кроткую и любящую.

– У графа не было детей от первого брака?

– От покойной графини Хильды остался сын, граф Арно, которому должен быть теперь 21 год; его обширные владения находятся рядом с Рекенштейнскими землями.

– Танкред ничего не говорил мне о своем брате.

– Он никогда его не видел. Все в этой стране знают о семейном несогласии, возникшем вследствие вступления графа во второй брак. Его тесть и теща были тогда еще живы и решительно восстали против этого супружества, но напрасно, свадьба состоялась. Дед и бабушка взяли к себе маленького Арно и воспитывали его в столице. С тех пор он никогда не видел отца, а по смерти графа Арнобургского граф Вилибальд был устранен от опеки, и даже разрыв с графиней Габриелей не привел графа к сближению с сыном.

Приход судьи прервал рассказ Гертруды Линднер. Она пошла в дом, чтобы велеть подать кофе. Разговор мужчин перешел на другие предметы.

Готфрид чувствовал себя так хорошо в этой милой семье и внушил судье и жене его такую симпатию, что когда он стал прощаться, чтобы вернуться в замок со своим чертенком, то должен был дать обещание часто навещать своих новых знакомых.

Молодой человек охотно исполнял свое обещание, а несколько времени спустя дом судьи сделался для него еще более привлекательным. Однажды утром, когда пришел с Танкредом, чтобы взять с собой Конрада и Франсуа и пойти вместе в лес за грибами, Готфрид был очень удивлен, увидав на балконе молодую незнакомку, которая помогала госпоже Линднер заготавливать консервы. Это была девушка лет семнадцати; ее светло-русые волосы и кроткое, милое личико с голубыми, ясными глазами выражало невинность и доброту. Жена судьи представила ее, сказав, что это их племянница Жизель, дочь старшего брата ее мужа, и что она приехала помочь ей по хозяйству. Заметив вскоре, что Жизель была столько же образованна, как и красива, Готфрид все более и более находил удовольствие в ее обществе.

Прошло несколько месяцев; положение Готфрида еще улучшилось; его энергия и деятельность вполне расположили к нему сердце графа. После нескольких бурных сцен, нескольких чувствительных наказаний и сажания на хлеб и воду, Танкред покорился. Хотя неохотно, но все же он повиновался, и спокойный, строгий взгляд наставника имел такую над ним власть, что он не мог противиться ей.

Подчиненный полезному режиму, разумно занятый классным учением и телесными упражнениями, вставая и ложась в определенные часы, мальчик стал красивее и здоровее; бледность сменилась румянцем; он вырос и заметно развился. Готфриду оставалось бороться только с его леностью и затаенной враждой, которую он выказывал при каждом удобном случае.

Граф был в восторге от заметного улучшения в манерах и в физическом состоянии Танкреда и все более и более привязывался к Готфриду, который действительно был его правой рукой, его помощником в делах, его доверенным лицом в полном смысле этого слова.

Готфрид имел основательные сведения обо всем, что касалось управления имением. Он вскоре заметил серьезные беспорядки в пользовании лесом и в эксплуатации паровой мельницы, недавно устроенной. Он счел своей обязанностью сообщить это графу и добросовестно помогать ему вникнуть в злоупотребления и восстановить порядок. Преисполненный благодарности, граф еще более посвятил молодого человека в свои дела, наполовину увеличил его жалованье и объявил ему, что, как только сын его поступит в военное училище, он сделает Готфрида главным управляющим. Веренфельс чувствовал себя спокойным, счастливым и стал мечтать о будущем. Он заметил, что Жизель чувствовала к нему более чем простое расположение; и сам он привязался к этой милой девушке. Готфрид говорил себе, что, сделавшись главным управляющим, он будет в состоянии вновь обзавестись хозяйством. Жизель, простая, деятельная и хорошая хозяйка, может быть именно такой женой, какая ему нужна, преданной дочерью его старой матери, а для маленькой Лилии матерью и наставницей. Но несчастье научило его быть осторожным, и он не позволил себе пробудить в сердце Жизели надежд, которые вследствие каких-нибудь обстоятельств могли не сбыться. Он положил не приступать к решительному объяснению, пока его судьба не будет окончательно обеспечена.

Веренфельс вошел однажды утром в кабинет графа, чтобы дать ему подписать некоторые деловые письма; он нашел его сидящим у окна, с письмом в руках и всецело поглощенным своими мыслями.

Готфрид положил бумаги на стол и хотел молча уйти, но граф поднял голову и позвал его.

– Я получил сейчас известие, которое радует и удивляет меня, но вместе с тем оно вызвало во мне так много воспоминаний.

Граф медленно сложил большой лист, украшенный гербом.

– Мой сын Арно, – продолжал он, – пишет мне самым миролюбивым образом, сообщает, что скоро приедет ко мне, и просит забыть все, что так напрасно разделяло нас.

– Верьте, граф, я искренно счастлив, что сгладилось недоразумение, которое должно было так тяготить ваше отцовское сердце.

Голос и взгляд молодого человека выражали самое сердечное участие.

– Благодарю вас, Веренфельс. Садитесь, и побеседуем немного. Я не люблю говорить об этом печальном прошлом; но питая к вам особое уважение и дружбу, расскажу в коротких словах все, что произошло. Чтобы вы лучше меня поняли, я должен обратиться к тому времени нашей фамильной истории, когда в XIV веке род наш разделился на две ветви. Старшая ветвь, вследствие брака своего представителя с богатой наследницей из одного высокого рода, стала именоваться Рекенштейн Арнобург, а младшая, которой принадлежит замок, где мы находимся, приняла имя Рекенштейн – Рекенштейн. С течением веков многочисленные несогласия разделили эти две ветви, и старшая окончательно обрела фамилию Арнобург. Но в наше время от древнего рода оставалось два представителя – я и Хильда, единственная дочь графа Арнобург. Было решено соединить нас браком и при этом постановлено, чтобы наш

старший сын назывался графом Рекенштейном, а второй носил бы и увековечил фамилию своей матери, унаследовав замок и большую часть владений, прилегающих к нему.

Брак мой с Хильдой, хотя и вызванный семейными соображениями, был самый счастливый, и лишиться жены, после десятилетнего супружества, было большим для меня несчастьем. Она оставила мне единственного сына – Арно.

Здесь я должен сказать, что во время моего пребывания в столице, где я служил в кирасирах, я подружился с молодым офицером, графом Девеляром, человеком весьма симпатичным, но легко увлекающимся. Несчастливая страсть испортила ему карьеру. Он влюбился в молодую актрису, прекрасную как ангел, и женился на ней. Эта выходка лишила его службы и большого майората, который перешел к его двоюродному брату. Он вышел в отставку, и я потерял его из виду. Через два года, после смерти моей жены, я неожиданно получил письмо от Девеляра, в котором он писал, что, будучи несчастлив в супружестве, жил в провинции, обходясь кое-как малым остатком своего состояния. Чувствуя приближение смерти, он умолял меня взять на себя опеку над его единственным ребенком, пятнадцатилетней девочкой, находящейся в пансионе.

Я поспешил к нему, поклялся заботиться о его дочери и закрыл ему глаза. Затем я поехал навестить мою воспитанницу. Это свидание решило мою судьбу. Габриела была красива, как ее мать; я полюбил ее и решил жениться на ней.

Это намерение вызывало сильное неудовольствие в моей семье. Мне не могли простить, что я позабыл Хильду и даю мачеху своему сыну. Случайная встреча внушила моей теще сильную ненависть к Габриеле. У меня почти силой отняли Арно. Рождение Танкреда подняло настоящий ураган. Мысль, что сын ненавистной женщины будет носить имя Арнобурга, страшно возмутила мою тещу. Арно воспитывался в Берлине, во враждебном мне духе, назывался Арнобургом, стал моряком, чтобы быть дальше от меня, и после смерти деда и бабушки жил в Швеции у тетки. Теперь ему исполнился 21 год, и он должен приехать, чтобы вступить во владение своими землями. Я не рассчитывал увидеть его, так как он никогда не сделал ни одного шага к сближению. Его неожиданное письмо доставило мне большую радость. Я жажду обнять его и надеюсь, что он будет другом Танкреду, когда меня не станет.

Позвоните, пожалуйста, мой друг, чтобы мне позвали управляющего. Надо приготовить комнаты для блудного сына, который, впрочем, богаче меня. Танкред будет беден в сравнении с братом.

Арно и его мачеха

Две недели спустя граф получил телеграмму, которая сильно его взволновала.

– Арно извещает меня, – сказал он Готфриду, – что завтра в 9 часов утра он будет на станции. Я прошу вас, мой милый Веренфельс, поехать с Танкредом встретить его. Я действительно не могу свидеться с моим сыном в толпе посторонних людей. Но он будет рад увидеть своего маленького брата и вас, о котором я не раз писал ему.

Танкред, сияющий от удовольствия, что едет встречать незнакомого ему брата, поднялся чуть свет и успокоился лишь тогда, когда сел в карету. Не менее нетерпелив и еще более счастлив был Антуан, старый охотник графа, служивший тридцать лет в Рекенштейне.

Когда поезд остановился, Готфрид, взяв за руку своего воспитанника, пошел с ним вдоль вагонов, стараясь угадать в массе пассажиров того, кого они ожидали. Вдруг он увидел, что Антуан, опередивший его, со слезами радости целует руку высокого молодого человека, выходящего из купе 1-го класса. Но и без этого указания Веренфельс узнал бы Арно по сильному сходству с отцом. Совершенно таким был изображен граф Вилибальд на большом портрете в год его совершеннолетия. Тот же высокий, гибкий стан, те же темные глаза, добрые и кроткие, те же каштановые волосы и то же аристократическое изящество во всей фигуре.

Поздоровавшись дружески со старым слугой, Арно увидел Танкреда, который бежал к нему с распростертыми объятиями. Молодой граф внезапно побледнел, остановился и провел рукой по лбу, затем, быстро преодолев себя, наклонился к ребенку и несколько раз нежно поцеловал его. Не выпуская руки своего маленького брата, он подошел к Готфриду и поздоровался с ним с самой дружеской приветливостью.

– Мой отец, – сказал он, – писал мне, как много мы вам обязаны, господин Веренфельс, и я питаю к вам живейшую симпатию. Надеюсь, что мы будем весело проводить время в Рекенштейне. Я столько лет был в разлуке с отцом, что теперь должен усердно и возможно дольше ухаживать за ним.

Сперва Танкред овладел полностью своим братом: не переставал болтать и задавать ему вопросы. Тот не успевал отвечать и всматривался в него как-то особенно вдумчиво и нежно. Но утомленный дорогой и впечатлениями, Танкред прислонился к подушкам кареты и со свойственной детям способностью везде приловчиться уснул глубоким сном.

Готфрид прикрыл его пледом, и, когда вернулся на свое место, Арно сказал ему:

– Мой отец писал мне, сколько терпения и труда стоило вам дисциплинировать Танкреда. Я положительно не могу понять, от кого у него такой тяжелый характер.

– Это умный и богато одаренный ребенок, но ленивый, дерзкий и чрезвычайно капризный; мать избаловала его.

– Мать избаловала? – повторил Арно с удивлением и сильно краснея. – Поверьте, господин Веренфельс, что это неправда. Быть может, она была недостаточно требовательна к нему, как женщина слишком молодая для того, чтобы быть разумной матерью. По моему мнению, отцу не следовало соглашаться на разлуку с женой и с сыном. Но я должен вам сказать, что чем больше я гляжу на Танкреда, тем более поражаюсь его удивительным сходством с матерью. Это одно лицо.

– Разве вы знаете графиню? – спросил с удивлением Готфрид. – Я полагал, что вы никогда ее не видели.

– Я неожиданно встретился с ней в Париже, где провел три последних месяца. Мы обоюдно были поражены, узнав, что мы такие близкие родственники; и, увидев мою мачеху, я понял, почему отец полюбил ее.

Несколько принужденная улыбка скользнула по губам Арно, и мимолетный румянец промелькнул на его свежем лице.

– Лишь моя детская неопытность могла заставить меня недоброжелательно отнестись к вполне законному поступку.

Ах, я многое должен загладить перед отцом. Но скажите, господин Веренфельс, действительно ли здоровье его так плохо, как он мне писал?

– Граф чувствует себя дурно, и апатия, овладевшая им, старит его преждевременно.

– Все изменится. Отец будет снова счастлив. А... вот и Рекенштейн! – вскрикнул Арно. Глаза его блестели и, опустив окно, он с жадностью всматривался во все окружающее.

Свидание отца с сыном сильно взволновало обоих. Долго они сжимали друг друга в объятиях, и граф не мог насмотреться на молодого человека, так живо напоминавшего ему собственную молодость, а также и добрую, любящую женщину, с которой он был так счастлив.

Арно поразила перемена, происшедшая в графе, и его болезненный вид. Со слезами на глазах он взял его руку и прижал к своим губам.

– Прости мне, отец, горе, которое я тебе причинил в моем неведении жизни. Теперь ты будешь иметь вдвойне преданного тебе сына.

Молодой человек сдержал слово. С настойчивостью и любовью он вырвал отца из апатии, изводившей его, приучил к продолжительным прогулкам пешком и верхом, возил его к соседям, приглашал их к нему; словом, так хорошо вел дело, что через два месяца граф Вилибальд сделался неузнаваем. Сгорбленный стан выпрямлялся, болезненная бледность сменялась свежестью лица, и его темные глаза приобретали прежний блеск. Граф сам не узнавал себя и называл Арно чародеем.

Была половина мая. Арно находился в отсутствии по случаю вступления во владение наследством. Вернувшись верхом из Арнобурга, он прошел к отцу. Граф Вилибальд, возвратясь с прогулки, курил у себя в комнате, читая журнал. Сообщив все подробности своей поездки, молодой граф вдруг прервал разговор и сказал с волнением:

– Папа, мне надо передать тебе письмо, ответ на которое ожидается с мучительным нетерпением.

– О каком письме ты говоришь? Это возбуждает мое любопытство.

Слегка дрожащей рукой Арно вынул из кармана портмоне, достал из него надушенный конверт, запечатанный гербовой печатью, и подал его отцу.

Граф мгновенно побледнел, и его протянутая рука опустилась.

– Что это значит? Откуда у тебя письмо Gabrielly? Я узнаю ее почерк, – проговорил он, тяжело дыша.

– Она сама дала мне его для передачи тебе.

– Так ты видел ее? Но где же?

– Этой зимой в Париже, – отвечал Арно с некоторым замешательством. – Мы неожиданно встретились. Но потом я с ней говорил и увидел, что ее раскаяние так глубоко, ее любовь к тебе так искренна, что я счел своей обязанностью взять это письмо.

– Ее любовь ко мне! – повторил граф с едкой иронией. – Какую ложь рассказала тебе эта вероломная женщина, изменившая мне и покинувшая меня?

Лицо молодого графа вспыхнуло, и неуверенным голосом он возразил:

– Не слишком ли ты строг, отец, клеймя таким суровым словом неосторожность неопытной молодой женщины. Gabriella действительно оскорбила тебя своим легкомысленным кокетством, но я не считаю ее способной на бесчестный поступок. И мне кажется, что во всяком случае тебе следовало бы прочитать ее письмо.

Он вложил конверт в руку отца, а сам из скромности отошел к окну. Граф колебался еще с минуту, его нервно дрожащие руки как бы отказывались открыть письмо. Воспоминание всего, что эта женщина заставила его выстрадать и что разлучило их, жгло его. Наконец, с внезапной решимостью он сломал печать.

– Арно! – произнес он минуту спустя.

Молодой граф, стоявший прислонясь к стеклу и погруженный в свои думы, поспешно подошел, стараясь угадать на взволнованном лице отца его решение.

– Возьми и прочитай; потом дай мне совет, ты теперь зрелый человек, – сказал граф, подавая ему письмо, которое Арно взял с некоторым смущением.

Волнуемый противоречивыми чувствами, он погрузился в чтение послания Gabriely к оскорбленному супругу. Оно было очень хорошо написано, исполнено любви, смирения и раскаяния:

«Прости мне горе, которое я тебе причинила своей преступной ветреностью, – писала она между прочим. – Позволь мне вернуться, чтобы ухаживать за тобой и заглаживать мои заблуждения. Не будь жесток, Вилибальд, ведь ты же любил меня. Ужели это чувство умерло в тебе и ты останешься глух к моей мольбе? Если б ты знал, как я чувствую себя одинокой! Как я жажду соединиться с тобой и с моими детьми, моими сыновьями, так как Арно овладел моим сердцем, благодаря своей доброте и великодушию. Он вполне сын твой по сердцу. Когда я его увидела, то поняла, что тебе, единственной и первой любви моей непорочной молодости, принадлежит мое сердце, несмотря на ошибки и увлечения, омрачившие это чувство». В заключение она говорила, с каким нетерпением и с каким мучительным беспокойством ожидает решения своей судьбы: помилования или приговора.

С пылающей головой и тяжело дыша, Арно положил письмо на стол. Множество бурных чувств толпилось в его мозгу. Так это он пробудил в сердце Gabriely уснувшую любовь. Она еще любила его отца, она желала возвратиться в его объятия, приобрести его любовь. Теплая грусть сжала сердце молодого человека при воспоминании об очаровательной женщине, которую граф так безумно любил и ревновал. О, теперь он понимал это чувство. Но его душевное волнение было непродолжительно. Честная, великодушная натура Арно подсказала ему, что сделать: его долг водворить мир в семье. Счастье отца и Gabriely должно быть его счастьем.

– Я думаю, отец, что прощать есть долг христианина, – сказал он с блестящим взглядом, – и что эта молодая женщина слишком долго оставалась одинокой, предоставленной искушениям и опасностям. Место Gabriely под кровом ее мужа, рядом с ее ребенком. Не отталкивай ее!

Со слезами на глазах граф привлек Арно к себе на грудь и долго не выпускал его из своих объятий.

– Ты гений мира, как твоя кроткая, святая мать, – сказал он. – Gabriela вверила свою защиту в хорошие руки. О, дай бог, чтобы ее раскаяние было искренно и ее возвращение принесло нам счастье, как ты надеешься. Я напишу ей, что если она желает, то может возвратиться. Теперь же, когда этот вопрос решен, расскажи мне, дитя мое, где и как вы с ней встретились?

– Я приехал в Париж в начале января. У меня было письмо от тетушки к ее внуку Магнусу, очень милому молодому человеку, состоящему при шведском посольстве. Он знакомил меня с прекрасной столицей. Я просил представить меня в семейные дома. Магнус сказал, что скоро в одном салоне высшего финансового мира будет большой костюмированный бал, где соберется избранное общество; он обещал устроить мне приглашение, чтобы доставить возможность сделать выбор семейств, с которыми я пожелаю познакомиться. Мы приехали на этот вечер оба костюмированные. Сначала я был поглощен феерической роскошью убранства, богатством и вкусом костюмов; но когда это первое любопытство было удовлетворено, мне захотелось познакомиться с кем-нибудь. Я заметил в толпе белое домино, которое тотчас овладело всем моим вниманием. Надо тебе сказать, что я чрезвычайно люблю красивые руки; рука домино небрежно играла веером, и белая перчатка этой маленькой, как бы детской ручки обрисовывала такую изящную форму, что я не мог отвести от нее глаз. Под атласным полукрытым плащом виднелся костюм королевы Марго, тоже белый и весьма богатый. Я не отставал от незнакомки; она прошла в зимний сад, где в эту минуту никого не было, кроме черного домино, поза и уединение которого выражали полнейшую скуку. «Тетя Люси, – сказала

она, садясь возле этой печальной фигуры, – можно ли скучать на таком прелестном вечере. Я пришла сюда освежиться, ускользнула от толстого барона и сниму маску». Она сняла ее и отерла платком разгоревшееся лицо. Скрытый деревьями, я глядел на нее и думал, что вижу восемнадцатилетнюю девушку пленительной красоты. И когда она вернулась в большой зал, я подошел к ней, напевая: «Plus blanche que la blanche hermine...» (Песнь Рауля в «Гугенотах».) «Ты ошибаешься, красавец Рауль, я только наружно бела», – ответила незнакомка. – «Кажется, ты хочешь запугать меня, – сказал я на это, – уверить меня, что сердце твое черно, как твои черные локоны». Она рассмеялась: «Ты, может быть, прав, и я начинаю думать, что ты меня знаешь». Я подал ей руку, и мы, весело разговаривая, вмешались в толпу. Наконец, она попросила меня отвести ее в зимний сад, к ее старой родственнице; сказала, что умирает от жары, сняла маску и предложила мне последовать ее примеру. Чтоб положить конец нашему обоюдному инкогнито, я поспешно повиновался, но едва она услышала мою фамилию и взглянула мне в лицо, как вскрикнула и опустилась на подушки, бледная как смерть. «Что с вами? – спросил я с испугом. – Я не могу предположить, чтобы мое имя или мое лицо могли причинить вам столько страдания». Она приподнялась и, со странным выражением устремив на меня свой взгляд, проговорила: «Я не была готова найти в вас... моего сына; я Габриела, графиня Рекенштейн».

Эти слова поразили меня как громом. В голове моей, как ураган, бушевала мысль, что эта женщина, имеющая вид восемнадцатилетней девочки, была моя мачеха, которая стояла тебе дуэли и оскорбила честь нашего имени. Вероятно, эти мысли отразились на моем лице, так как она сказала с горечью: «Вы меня ненавидите и осуждаете по внешним данным, как сделал ваш дед. Вы не можете простить вашему отцу, что он дал мне свое имя». – «Мне достаточно было вас увидеть, чтобы понять чувства моего отца и извинить их!» – промолвил я. Она протянула мне руку и сказала со слезами на глазах: «Если ваши слова искренни, то навестите меня, Арно, мне нужно поговорить с вами».

Немного остается прибавить к сказанному. Я был у нее и убедился, что ее раскаяние в прошлом искренно, что она любит тебя и жаждет твоего прощения. Я обещал ей примирить ее с тобой и всеми силами стараться снова соединить вас.

– Рука Провидения устроила эту странную случайность, – сказал Вилибальд, сжимая руку сына.

С этого дня все зашевелилось в замке. Граф, видимо, стал находить интерес к жизни, и, судя по приготовлениям, которые производились в комнатах графини, заметно было, что любовь к красавице жене глубоко таилась в сердце мужа. Он написал ей письмо и получил ответ, преисполненный радости и благодарности. Габриела извещала, что тотчас приведет в порядок свои дела в Париже и недели через три прибудет в Рекенштейн.

Один Готфрид, услышав о возвращении графини, ощутил неудовольствие и досаду, похожие на отвращение. Не умея объяснить себе такую странность, он решил избегать этой женщины насколько возможно. Ему казалось, что прибытие ее предвещало ему нечто дурное. Вскоре он заметил, что, несмотря на беззаботный вид и наружную веселость, Арно находился в каком-то лихорадочном раздражении, в какой-то тревоге, которая не давала ему покоя. Готфрид искренно привязался к симпатичному молодому человеку, и мучительное опасение теснило ему грудь. А вдруг Габриела настолько суетна, думал он, что станет играть чувствами пасынка неведомо для него самого. Какое печальное и трагическое осложнение готовится тогда в будущем?

Танкред, напротив, утопал в блаженстве. Он был уверен, что приезд матери положит конец насильственным занятиям и всяким наказаниям. Зная ее слепое к нему поклонение, мальчик не сомневался, что она отстранит от него все, что ему неприятно.

Канун дня, назначенного для приезда графини, прошел в лихорадочной деятельности. В ее комнатах производились окончательные приготовления. Экзотические растения преобра-

зили ее террасу в душистую рошу, и граф с помощью Арно украсил туалетный столик и будуар множеством дорогих безделушек.

Было начало июня; погода стояла прекрасная, душно-жаркая. Но к вечеру небо заволокло тучами, и разразилась сильная гроза.

– Как это некстати, – сказал граф, глядя, как деревья гнулись от ветра и ливень наводнял аллеи. – Этот непрощенный дождь повредил цветы, и Габриела увидит их совсем погибшими. Надеюсь, что это не дурное предзнаменование, – присовокупил он, и лицо его мгновенно омрачилось.

Уложив спать Танкреда, Веренфельс ушел к себе в комнату и сел у окна. Небо было беззвездно и черно, дождь не переставал лить, и гром все еще гремел в отдалении. Какое-то беспокойство, какая-то неопределенная тоска охватили его душу. Ему казалось, что настал конец его спокойной жизни и скромным надеждам, которые подал ему Рекенштейн; что с завтрашнего дня начнется нечто новое и тяжелое – томительная борьба между слабой, капризной матерью и его строгостью, которую он считал своим долгом.

Печальный и расстроенный он лег в постель, но страшный сон преследовал его всю ночь. Ему снилось, что какая-то посторонняя сила, против его воли, с ошеломляющей быстротой влекла его к сероватому облаку; но по мере его приближения это облако обращалось в готический замок с почерневшими стенами, увенчанными зубчатыми башнями и башенками с резными балконами. Окна, одни с остроконечными сводами, другие с широкими рамами, перемешивались на стене фасада. Главный подъезд, мрачный, украшенный гербом, вел внутрь крепости. К своему удивлению, Готфрид узнал в этом призрачном здании замок Арнобург.

Вдруг черная туча вырвалась, кружась, из одной башни и охватила его удушливым дымом. Стараясь выбиться из него, он увидел женщину, которая, протянув руки, загоразивала ему путь. Она мелькала перед ним в длинной белой одежде, ее черные, распущенные волосы, как покрывало, окружали ее. У нее было лицо Танкреда; ее глаза, синие, как васильки, но сверкающие и резкие, как клинок из стали, казалось, пронизывали его.

Готфрид хотел отступить, но соблазнительное и страшное существо настигло его, прильнуло к нему и, как змея обвив его шею, сжимало ее, подобно железным тискам. Напрасно он вырывался, со стесненным сердцем трепеща от любви и ненависти. Призрак увлекал его и топтал кого-то ногами, слышались чьи-то мучительные стоны. Веренфельс в ужасе повернул голову и заметил распростертых на земле графа и Жизель, лишенных чувств, с печатью смерти на лицах. Несколько далее Арно, с взволнованным видом и раной в груди, растворялся в пространстве. Обезумев, выйдя из себя, Готфрид отчаянным усилием вырвался из этих объятий, гибких, но цепких, как объятия гада.

«Оставь меня, я не хочу тебя!» – кричал он в сильном раздражении. На минуту видение опустилось перед ним на колени как бы с мольбой; но когда он оттолкнул обольстительницу, она встала с угрожающим видом; сверкнув глазами и прошипев что-то сквозь зубы, подняла руку и ударила его в лицо с такой силой, что он потерял равновесие и скатился в пропасть. Разбитый и истерзанный, он встал наконец и увидел, что находится в комнате с железной решеткой; запертая дверь не поддавалась его усилиям. Он был в тюрьме, и едва осознал это, как раздался насмешливый хохот и сильный удар потряс стены. Дрожа, покрытый холодным потом, Готфрид приподнялся на постели и прошептал: «Слава богу, что это сон». Он объяснил свой кошмар влиянием грозы. Действительно, стихия бушевала с новой, необычайной силой, молнии освещали комнату мрачным светом, раскаты грома повторялись непрерывно, потрясая стены, и дождь, смешанный с градом, ударял в стекла. «Вот что действительно похоже на злое предзнаменование», – сказал себе молодой человек.

К утру погода прояснилась, и радостные лучи солнца беззаботно осветили пространство.

Когда все собрались к завтраку, граф был бледен и жаловался на нервную головную боль. Гроза мешала ему спать, а когда он задремал на минуту, молния ударила в старый дуб под его окном. Он проснулся со страшной мигренью.

– У меня к вам просьба, Веренфельс, – сказал он, когда встали из-за стола. – Уже многие являлись с рапортом о повреждениях, причиненных ураганом в лесах и на паровой мельнице. Мне трудно поехать осмотреть все это сегодня; съездите вместо меня и отдайте необходимые на первый случай распоряжения.

Молодой человек согласился с тайной радостью. Он был счастлив, что не увидит прибытия Габриелы, и решил употребить на осмотр весь день, отужинать у судьи и возвратиться лишь ночью, полагая, что его присутствие было бы излишним на семейном торжестве.

Когда он ушел, граф обратился к сыну:

– Арно, ты поедешь с Танкредом встречать Габриелу. Я не смогу с моей мигренью провести три часа в карете. К тому же надо велеть исправить бьющие в глаза последствия грозы, которые могут произвести неприятное впечатление на нашу гостью.

По отъезде братьев, граф пошел в комнаты Габриелы и сам проследил за сменой сломанных растений на террасе, велел срубить в парке несколько деревьев, сильно поврежденных ураганом. Затем, приказав вовремя доложить ему о приезде графини, пошел к себе в кабинет переодеться.

Давно граф так внимательно не занимался своим туалетом; окончив его, он отослал камердинера и остановился в задумчивости перед большим зеркалом своей уборной. Пытливым взглядом, как будто видел перед собой постороннего, он всматривался в свое изображение. Мог ли он еще нравиться обольстительной, капризной женщине, которая говорила, что наружность Арно пробудила в ее сердце любовь к мужу? Если это чувство и было искренно, примирится ли она с переменой, происшедшей за годы их разлуки?

Братьям недолго пришлось ждать на станции. Нетерпение Танкреда было так сильно, что он не мог оставаться спокойным, и едва поезд остановился, как он кинулся к одному из вагонов с криком: «Мама, мама, наконец ты приехала!» Он раньше Арно увидел мать.

Когда Арно подошел к своему маленькому брату, дверь купе отворилась, и из него выпрыгнула молодая женщина, шегольски одетая. Страстным движением она привлекла Танкреда в свои объятия и покрывала его поцелуями, затем протянула руку Арно и сказала с чувством:

– Как я рада видеть вас обоих, но... Вилибальд не приехал? – спросила она, беспокойно оглядывая встречающих.

– У отца была сегодня утром сильная мигрень, затем гроза, разразившаяся нынешней ночью, причинила много вреда, и отец хотел сам присмотреть, чтобы все было исправлено к вашему приезду, – ответил Арно, целуя ее руку.

– Это не серьезное нездоровье? – спросила Габриела, опираясь на руку пасынка и направляясь к экипажу.

– Нет, нет, отец счастлив вашим возвращением, дорогая Габриела, и ваша любовь укрепит окончательно его здо ровье; мы все будем счастливы, а во мне вы найдете самого любящего и самого покорного сына, – заключил он.

Габриела поблагодарила его лишь взглядом.

Как только отъехали несколько, графиня сняла шляпу Танкреда, провела рукой по его блестящим кудрям и сказала, целуя его:

– Дай поглядеть на тебя, мой кумир, мой рыцарь Танкред. Право, ты вырос и похорошел на диво, но учишься ли ты тоже чему-нибудь?

– Ах, если бы ты знала все, что я имею тебе рассказать, мама, и как я несчастлив, волосы встали бы дыбом у тебя на голове, – воскликнул мальчик.

– Несчастлив! – повторила смеясь Габриела. – Ты, должно быть, не хочешь заниматься, маленький лентяй.

Я помню, как ты три месяца учил басню «Ворона и лисица».

– Теперь, с приездом моего нового учителя, дело посерьезней басни.

– Перестань, Танкред! – перебил его Арно, которому самому хотелось поговорить с мачехой. – Не успела мама приехать, как ты надоедаешь ей. После будешь иметь время высказать свои жалобы.

И он стал рассказывать ей о своих планах на лето, о сельских праздниках, которыми намеревался развлекать ее, и об ожидаемом приезде двух его друзей, приглашенных им, чтобы увеличить общество.

Габриела весело с ним разговаривала; но когда экипаж приблизился к главному подъезду, она замолчала и вперила взор в высокую фигуру графа, вышедшего на крыльцо. Едва карета остановилась и прежде чем Арно или лакей успели помочь ей выйти, она выпрыгнула на подножку и как птичка вспорхнула на лестницу. Быстро схватила она приветливо протянутую ей руку мужа и прижала ее к губам, не обращая внимания на присутствие всей челяди.

– Прости меня, Вилибальд, не только на словах, но и сердцем, – прошептала она со слезами на глазах.

Граф вздрогнул и хотел отдернуть руку, но взволнованный, побежденный умоляющим выражением прелестного личика, привлек Габриелу в свои объятия и поцеловал ее в лоб, затем подал ей руку и повел в комнаты. Как только они остались одни, молодая женщина, бросив в сторону перчатки и шляпу, привлекла мужа на диван и, припав головой к его плечу, разрыдалась рыданиями. Было ли то искреннее раскаяние или напряжение нервов – трудно сказать, но этот поток слез испугал графа; ласково и нежно он старался успокоить жену, уверяя, что прошлое сглажено и позабыто.

Мало-помалу графиня успокоилась, и когда муж ушел, уговорив ее отдохнуть до обеда, она отерла последние слезы и с любопытством стала осматривать все сделанные для нее приготовления и сюрпризы. Кончив осмотр, которым осталась вполне довольна, она свернулась клубком на диване и, полузакрыв глаза, с торжествующей улыбкой на устах предалась мечтам.

Габриела не была грубой кокеткой, которая легко увлекается и не дорожит своей честью. От такого унижения ее ограждали гордость и эгоизм. Но крайне пылкая и страстная, она порывисто и всецело отдавалась своим ощущениям, как любовь, так и ненависть, возбужденные в ее сердце, не умирали никогда. Обстоятельства еще более развили в ней некоторые врожденные недостатки. Выйдя замуж в пятнадцать с половиной лет за человека на 23 года старше ее, который боготворил ее и предупреждал все ее капризы, окружал ее роскошью и почетом, она избаловалась, привыкла швыряться деньгами, покорять сердца и не выносить никакого соперничества. Ее дивная красота сделалась ее кумиром; в поклонении самой себе она видела цель своей жизни. Поражать женщин своими туалетами, мужчин своими чарами было единственной ее заботой. Каждый мужчина, который к ней приближался, должен был стать ее рабом; искусным кокетством она его привлекала, очаровывала, но едва победа была одержана, интерес истощался, и взгляд ненасытной сирены искал новой жертвы. Эта опасная игра была началом несогласий графа с женой; напрасно он увещевал и запрещал, ревновал и наблюдал – страсть покорять мужчин, заставляя их трепетать от ее взгляда сделалась потребностью Габриелы. Очередная неосторожность подобного рода с молодым офицером вызвала дуэль и затем разрыв между супругами.

Цирцея

Готфрид весь день производил осмотр. Усталый он приехал к семи часам вечера в дом судьи. Принятый, как всегда, с распростертыми объятиями и окруженный дружеским вниманием Жизели, молодой человек чувствовал себя так хорошо, что вечер прошел с быстротой молнии. Был двенадцатый час, когда они расстались.

Медленным шагом и тихо напевая, Готфрид направился к замку. Ночь была великолепная, теплая, спокойная, полная луна заливала серебристым светом тенистые аллеи парка. Торжественная тишина природы действовала благотворно на душу молодого человека. Он думал о Жизели, теряясь в мечтах о будущем. Представлял себе эту милую, скромную девочку хозяйкой своего дома, ухаживающей за его матерью, за его маленькой Лилией и вполне счастливую с ним в его скромной обстановке. Он приближался к большому пруду и собрался было отдохнуть на своем любимом месте у берега, на скамье под вековым дубом, как вдруг внимание его было привлечено глухим рычанием. Он остановился. Послышался шум ветвей под чьими-то шагами и снова чье-то рычание.

– Это, должно быть, Али-Баба; верно, этот негодник Танкред опять выпустил его, чтобы пугать служанок со скотного двора, – прошептал с раздражением Готфрид.

Али-Баба был медвежонок, которого граф купил в прошлом году, уступив просьбам сына. Он жил в конце парка, в шалаше, окруженном забором, и хотя не был опасен, но его все-таки держали на цепи. Два раза Танкред спускал его, забавляясь криками и испугом служанок и шумом, который поднимали птицы и дворовые животные.

Решив отвести медвежонка в его шалаш, молодой человек ускорил шаг и вышел на прогалину, окружающую пруд. Медведь опередил его и, освещенный луной, направился рысцей к скамье, скрытой в тени, где Готфрид намеревался отдохнуть.

В эту минуту раздался крик, и между деревьев показалась женщина в белом; обезумев от страха, она кидалась во все стороны, преследуемая медведем, которого забавляла эта импровизированная охота. Увидя, что незнакомка устремилась к пруду, куда неизбежно должна была упасть, Веренфельс кинулся за ней, чтобы ее удержать; но ноги ее, вероятно, запутались в платье, она вдруг пошатнулась и упала на траву в двух шагах от воды.

– Куш! Али-Баба! – крикнул Готфрид, подняв трость.

Медвежонок, увидев его, направился к нему, радостно рыча, послушно лег и стал лизать свои лапы. Молодой человек наклонился к даме, которая, казалось, была в обмороке. «Это, должно быть, графиня», – подумал он, поднимая молодую женщину и всматриваясь с любопытством и восхищением в ее прелестное лицо. В ту же минуту она открыла глаза и с испугом взглянула на него.

– Графиня, позвольте мне довести вас до скамьи и позвать вашу камеристку, – сказал почтительно Готфрид.

Но в этот момент взгляд ее упал на медведя и, ухватясь за руку молодого человека, она вскрикнула в нервном волнении:

– Нет, нет, не уходите! Я боюсь! Ужели вы оставите меня одну с хищным зверем! С каких пор Вилибальд придумал такое нововведение, чтобы медведи гуляли у него по парку?

– Медвежонок не опасен, графиня, не бойтесь и позвольте предложить вам руку.

Графиня согласилась, однако при первом же шаге пошатнулась, вскрикнула и чуть не упала, но Готфрид поддержал ее.

– Я, кажется, вывихнула ногу и не могу идти, – проговорила она ослабевшим голосом. – Как быть теперь?

– В таком случае прикажите мне, графиня, отнести вас домой, тут несколько минут ходьбы.

Габриела смерила его быстрым взглядом.

– Я согласна, если это не очень утомит вас. Но скажите, кому я обязана такой услугой?

– Я Готфрид Веренфельс, воспитатель маленького графа Танкреда, – отвечал молодой человек, поднимая ее, как ребенка, своими сильными руками.

Странные чувства волновали Готфрида, когда он быстро направлялся к замку со своей легкой ношей. Нервная дрожь, вызванная испугом, все еще пробежала по телу графини; и эта дрожь как бы сообщалась сердцу молодого человека, пробуждая в нем попеременно то восхищение, то враждебность, которую он ощущал прежде, чем увидел ее; и беленькая ручка, блестящая бриллиантами, покоясь на его плече, казалась ему тяжелой как свинец.

Он почувствовал душевное облегчение, когда положил, наконец, графиню на один из диванов ее будуара. Эта прелестная комната, освещенная лампами с розовыми стеклами, казалась созданной для Габриелы. Освещенная этим магическим светом, молодая женщина казалась Готфриду неотразимой красавицей; он говорил себе, что никогда в жизни не видывал таких идеальных черт, такого нежного цвета лица и таких блестящих, ясных глаз с длинными изогнутыми ресницами.

Габриела со своей стороны теперь только увидела ясно лицо своего неожиданного кавалера. С минуту ее глаза глядели на него со странным выражением, но одумавшись тотчас, она протянула ему руку и выразила живейшую благодарность.

– Я сейчас сообщу о случившемся графу, – сказал Готфрид, почтительно целуя тонкие пальцы молодой женщины.

– Нет, нет. Вилибальд весь вечер страдал сильной мигренью, ему необходим отдых. Не беспокойте его.

– Графу Арно, в таком случае.

– И ему не надо. При своей пылкости он всполошил бы весь замок. Я не хочу, чтобы раньше утра посылали за доктором, так как не думаю, чтобы тут было что-нибудь опасное, и могу потерпеть.

Молодой человек, оставив графиню, пошел к кастеляну и велел ему послать нарочного в город, чтобы доктор мог приехать в замок утром; приказал также распорядиться, чтобы Али-Баба был снова посажен в свой шалаш. Сделав это, он вернулся к себе, чтобы лечь спать, но образ Габриелы не покидал его. «Она действительно красива так, что каждого может свести с ума, – говорил себе Готфрид. – Бедный Арно, я понимаю, какая опасность угрожает твоему сердцу».

Наутро, пока Танкреда одевали, Веренфельс пошел к Арно и сообщил ему о случившемся ночью. Молодой граф был очень этим встревожен и поспешил кончить свой туалет, чтобы пойти скорей к мачехе.

– Я готов держать пари, что это опять Танкред выпустил Али-Бабу. Гадкий мальчик. Какое бы от этого могло выйти несчастье! – воскликнул с сердцем Арно. Затем, глядя в сторону, спросил нерешительно: – Вы видели Габриелу, не правда ли, она очаровательно красива?

– Красива, как сказочная фея, но едва ли подобно ей благодетельная, – отвечал медленно Готфрид. – Если б я смел сделать сравнение, я бы скорей уподобил графиню сирене, прелестной и обворожительной, но губительной для каждого, кто, не обладая мудростью Улисса, приблизится к чернокудрой обольстительнице.

Молодой граф сильно покраснел.

– Я понимаю тонкость и глубину вашего замечания, Готфрид. Оно сделало бы честь мудрому Улиссу, на которого вы ссылаетесь. Но теперь пойдемте скорей. Быть может, она чувствует себя хуже.

В вестибюле молодые люди встретили доктора, возвращавшегося от графини. Он успокоил Арно, сказав, что нет ничего серьезного в ушибе, что опухоль на ноге исчезнет через

несколько дней и что вообще молодая женщина совершенно здорова. Графиня велела отнести себя на террасу, чтобы пить утренний кофе с семьей.

Когда Веренфельс пришел на террасу со своим воспитанником, графиня была уже там; она лежала на длинном кресле и отвечала, улыбаясь на вопросы Арно. Готфрид внимательно взглянул на нее и убедился, что, несмотря на нездоровье, ее дивная красота не боялась дневного света и сапфировый цвет ее ясных глаз являлся во всем своем блеске. Туалет графини, изысканно-простой, шел ей великолепно.

Танкред кинулся к матери, обнял ее и с жаром поцеловал. Габриела тоже поцеловала сына, но затем, слегка отстраняя его и отвечая легким наклоном головы на глубокий поклон наставника, сказала:

– Какой ты порывистый, дитя мое, ты совсем измял меня.

Арно привлек к себе брата и сказал смеясь:

– Вот я и поймал вашего преследователя и не выпущу его.

Но мальчик вырвался от него и стал на колени возле матери.

В эту минуту на террасе показался граф и, заметно взволнованный, подошел к жене.

– Как ты себя чувствуешь, моя дорогая? Ты очень страдаешь? Я сейчас только узнал о несчастье с тобой и очень недоволен, что мне этого тотчас не сообщили.

– Успокойся, Вилибальд, это я запретила тревожить тебя. Доктор уверяет, что через несколько дней я совсем поправлюсь.

– Но я все же должен разузнать, кто выпустил медведя. При этих словах отца густой румянец покрыл щеки Танкреда. Графиня заметила это и, подняв глаза на мужа, сказала с очаровательной улыбкой, пожимая ему руку:

– Я уверена, что медведь вырвался сам. А если и есть тут виновный, то умоляю – не ищи его; я была бы в отчаянии, если бы тебе пришлось наказать кого-нибудь в первый день моего приезда. Не могу не упрекать себя за мой глупый испуг; мне следовало бы понять, что медвежонок ручной. Но нет ничего хуже, чем потерять голову. Господин Веренфельс спас меня не столько от медведя, сколько от самой себя.

Граф улыбнулся и, подойдя к доктору и к Готфриду, поздоровался с ними и поблагодарил последнего за оказанную услугу. Затем, взяв из рук лакея подносик с завтраком графини, стал сам прислуживать ей с помощью Арно. Последний не сводил глаз с мачехи.

Веренфельс завтракал молча, вовсе не вмешиваясь в разговор. Воспользовавшись минутой, когда граф встал, он подошел к нему, чтобы дать отчет о произведенном накануне осмотре. Между ними завязался оживленный разговор. В это время Арно обратился к доктору, прося его приехать завтра, чтобы переменить повязку на ноге больной. Графиня на минуту осталась одна.

Она прислонилась к подушкам, полузакрыв глаза, но из-под своих черных длинных ресниц бросила пыливый взгляд на воспитателя, с которым муж ее разговаривал так дружески. Еще накануне она заметила мужественную красоту молодого человека; теперь она могла еще свободней разглядеть его характерное лицо, изящную непринужденность его манер и энергичное спокойствие всей его фигуры, свидетельствовавшее, что он больше привык повелевать, чем повиноваться.

Взгляд ее встретился со взглядом Готфрида, но большие черные глаза молодого человека скользнули по ней с холодным равнодушием. Габриела покраснела до корней волос, и ее тонкие брови сдвинулись. Это равнодушие поразило ее, как оскорбление. Она привыкла видеть, что глаза мужчин всякого возраста и всякого слоя устремляются на нее с восторгом, что все хотя бы безмолвно преклоняются пред ее царственной красотой. Как же этот, подчиненный ей человек осмеливается быть слепым? – спрашивала она себя с досадой.

Он даже не воспользовался оказанной им услугой, чтобы попытаться занять положение менее подвластное.

Ее размышления были прерваны Танкредом, который, кончив завтрак, опять пришел, стал на колени возле нее и с выражением отчаяния припал к ее подушкам.

– Отчего ты такой грустный, мой кумир? И что значит эта морщина? – спросила она, проводя пальцем по его лбу.

– Я не хочу уходить от тебя и не хочу учиться, – шептал он. – Если б ты знала, как много я должен заниматься, как он мучает меня, а если я тотчас не послушаюсь его, он бьет меня.

– Что ты говоришь! Может ли это быть! – И Габриела порывисто приподнялась.

В эту минуту Готфрид, закончив разговор, взглянул на часы и позвал Танкреда:

– Танкред! Пора заниматься.

Мальчик не шевелился; но Габриела, бросив чарующий взгляд на молодого человека, проговорила с улыбкой:

– Я накладываю маленькое вето на ваше решение; мне кажется жестоким заставлять учиться ребенка в такую чудную погоду и поэтому прошу отпустить его на каникулы.

Готфрид взглянул на графа, который стоял за креслом графини, но тот покачал отрицательно головой.

– Я очень сожалею, графиня, что должен воспротивиться вашему желанию, но граф, поручая мне воспитание Танкреда, предоставил мне право распределять его занятия. Я нахожу, что даю ему довольно времени для игр и отдыха, но ввиду его непомерной лености, не могу согласиться прервать его занятия.

Габриела, закусив губы и с холодным презрением смерив Готфрида взглядом, отвернулась и сказала небрежно:

– Я полагаю, Вилибальд, ты не отречься от права изменять распоряжения воспитателя твоего сына, особенно когда они налагают на ребенка непосильный труд.

– Графиня, – сказал Веренфельс, слегка бледнея, – Танкред пользовался такими вакациями до моего поступления, что по своим познаниям не может сравниться и с семилетним ребенком. Впрочем, все что я делал, то делал с согласия и одобрения графа. Но если мои распоряжения не нравятся вам, графиня, то я готов сегодня же сложить с себя мою должность.

Граф сдвинул брови.

– Перестаньте, Веренфельс, вы знаете, что я не потерплю, чтобы вы нас оставили. А тебя, милая Габриела, я буду просить не вмешиваться в то, что касается воспитания Танкреда. Я одобряю полезные и разумные меры господина Веренфельса и надеюсь, что ты тоже будешь благоразумной матерью.

Танкред встал, покраснев от злости и готовясь возражать, но Готфрид не дал ему на то времени.

– Ступай в свою комнату, – сказал он строго. – Ты слышал, что сказал твой отец? Так принимайся за занятия без всяких рассуждений.

– Но ведь это грубиян! И ты позволяешь служащему у тебя говорить таким тоном с графом Рекенштейном! – воскликнула графиня настолько громко, что Готфрид, уходя, мог слышать ее. – Ах, бедный мой Танкред!

Лицо ее пылало от гнева, губы дрожали.

При виде завязавшегося скандала, Арно побледнел и с душевной тревогой глядел на мачеху.

Но граф, привыкший с давних пор к бурным сценам и капризам жены, как скоро ей что-нибудь не нравилось, нисколько не смутился. Он придвинул стул к дивану, поцеловал ее руку и дружески серьезным тоном сказал:

– Дорогая моя Габриела, Бог свидетель, как я счастлив нашим примирением; моя первая забота доставлять тебе счастье и удовлетворять твои желания. Ты не можешь думать, чтобы я был равнодушен к ребенку, которым ты меня одарила, чтобы я отдал его с непростительной небрежностью в распоряжение человека грубого и жестокого, который мучил бы его без при-

чины. Не в упрек тебе, так как прошлое сглажено и забыто, но я должен напомнить, что когда ты мне возвратила Танкреда, это был мальчик с отрицательными замашками, и притом лентяй и невероятный неуч. Молодая мать, слабая и любящая, как ты, не может управлять таким характером, как у него. Для этого нужен мужчина энергичный и основательный, словом, такой человек, как Готфрид, который дисциплинировал Танкреда и заставил его сделать удивительные успехи. А потому, прошу тебя, не расстраивай его плана занятий, вполне мною одобренного, и не препятствуй власти, которую я ему дал.

– Я не могу выносить, чтобы он бил моего ребенка, моего кумира, к которому до сих пор никто не прикасался пальцем.

– Если кумир заслуживает, чтобы его били и иначе не покоряется, то что же делать, – заметил граф улыбаясь. – Впрочем, будь спокойна, незначительное число наказаний, весьма заслуженных, не повредило ни здоровью, ни красоте Танкреда. Ты сама нашла, что он похорошел, и видишь при этом, что он окреп и проворен, как кошка. Когда ты узнаешь ближе Веренфельса, то будешь иметь к нему такое же уважение и доверие, как и я. Так прошу тебя, не держись с ним так оскорбительно, не относись к нему, как к подчиненному. Это человек самого лучшего общества, дворянин такого же древнего рода, как и мы; лишь превратности судьбы и необходимость доставлять средства жизни матери и своему ребенку заставили его принять на себя обязанность воспитателя.

– Он женат! – воскликнула Габриела, не поднимая глаз.

– Вдовец. Старый барон, отец его, лишился своего состояния, но так как Готфрид сам был землевладельцем, то имеет большие сведения по этой части, и его опытный взгляд открыл множество злоупотреблений в Рекенштейне, которые я не мог констатировать по причине моей болезни. Этот человек с неутомимой деятельностью, с беспримерным усердием привел все в порядок, сберег таким образом значительные суммы денег, словом, сделался моей правой рукой.

– Это правда, маман, господин Веренфельс человек весьма достойный и справедливый, несмотря на свою строгость к Танкреду. Своевольный мальчик только его и боится, – вмешался Арно, счастливый водворяющимся соглашением.

– Я вижу, что должна сдать на ваши доводы, господа, – промолвила с усилием Габриела, принужденно улыбаясь.

– Благодарю тебя, моя дорогая, что соглашаешься со мной и нисходишь к моим желаниям, – сказал граф, целуя ее в лоб. – Теперь я тебя оставляю, так как мне нужно сделать кое-какие распоряжения, а ты, Арно, замени меня: старайся развлечь Габриелу и будь любезным, услужливым сыном.

По уходе графа, Арно предложил мачехе прогуляться по саду и велел привезти кресло на колесах, которым пользовался отец во время своей болезни. Когда лакей подкатил кресло к террасе, Габриела сказала со вздохом:

– Экипаж мой готов, но как я доберусь до него с моим увечьем?

– Надеюсь, вы позволите мне донести вас до кресла? – спросил, краснея, молодой граф. Очаровательная улыбка озарила лицо молодой женщины.

– Конечно, не откажу же я своему сыну в том, что позволяла слуге. Только умоляю вас, Арно, не говорите мне больше о грубияне, – присовокупила она, когда Арно усаживал ее в кресло.

Отослав лакея, молодой человек сам повез Габриелу, и, весело разговаривая, они углубились в тенистые аллеи парка. Эта прогулка вдвоем приводила в восторг Арно; он бы хотел нескончаемо продлить ее и остановился лишь близ своего любимого искусственного грота. Дверь из коры, покрытой мхом, вела в обширный зал из каменных глыб и сталактитов. Два окна со стрельчатыми сводами распространяли таинственный полусвет в этом убежище, исполненном прохлады. В одном из углублений грота журчал фонтан, падая в бассейн, над которым

стояла прекрасная мраморная группа, изображающая Эроты и Психею. Посреди редких растений, образующих рощу, была расставлена прелестная мебель в виде раковин вокруг соломенных столиков, с потолка спускались лампы.

Не без труда Арно вкатил кресло в грот и, сбросив свою соломенную шляпу, отер лоб. Затем обошел зал и нарвал букет алых роз.

– Не правда ли, здесь хорошо, воздух такой свежий, ароматный? – сказал он, подходя к Габриеле. Молодая женщина, откинув голову на спинку, сложив на колени руки, устремила взгляд с каким-то странным выражением на одну группу деревьев и, казалось, забыла все окружающее.

– О чем вы так задумались, Габриела? – Он вложил ей в руку цветы.

Она вздрогнула.

– Я думала, – отвечала она, – о том дне моей молодости, который мне напомнил это место.

– Вашей молодости! Вы – олицетворенная молодость и красота! – И Арно залился веселым смехом.

– А между тем это так. Я думала о давнем времени, более десяти лет тому назад, – отвечала Габриела с тяжелым вздохом. – Мне было тогда пятнадцать лет и три месяца. Я приехала в Рекенштейн провести каникулы у моего опекуна с моей преданной Люси, родственницей, которую вы видели у меня в Париже. И в этом самом гроте, на том самом месте, где вы сидите в эту минуту, Вилибальд сделал мне предложение. Тогда я мечтала о совсем иной для себя жизни. – И она снова вздохнула.

– То, что вы говорите, делает для меня это место вдвойне дорогим, – сказал Арно, слегка краснея. – Но отчего, милая Габриела, вы вздохнули? Не был ли то вздох сожаления? Разве вы не чувствуете себя счастливой?

– Да и нет. Ваш отец был всегда добр, очень добр ко мне, и, конечно, моя вина, что я не дала ему счастья. При виде этого грота все пришло мне на память, каждое слово, каждая мысль, наполнявшая тогда мое сердце. Но оставим это; будущее светло и ясно, меня так любят и балуют. Чего могу я желать более?

Она взяла букет и стала вдыхать его аромат. Затем выбрала две алые розы и приколола их себе на грудь.

– Жаль, что у меня нет здесь зеркала, мне бы хотелось вдеть цветков в волосы, я это очень люблю.

– Я принесу сейчас из замка, – заявил поспешно молодой человек.

– Нет, нет, это пустая прихоть, остановитесь, Арно, и сами будьте моим зеркалом; вколите мне розу, я доверяю вашему вкусу.

Молодой человек поспешил исполнить ее желание, но, когда пальцы его коснулись шелковистых прядей, он побледнел и рука его задрожала.

– Жалею, что я не художник, – сказал он, стараясь скрыть свое волнение.

Молодая женщина, казалось, ничего не заметила:

– Мне остается еще одна. Это для вас, моего доброго, великодушного сына, которому я так много обязана.

Она взяла последнюю розу и коснулась ее губами, затем, с доброй, дружеской улыбкой и чарующим взглядом увлажненных глаз сама вдела ее в петлицу молодого человека. Видя, что он взволнован и смущен, Габриела искусно переменяла разговор. Они повели речь о Париже, о празднествах, которые намеревался давать Арно, о приглашенных друзьях, и время летело так быстро, что Габриела, по-видимому, была очень удивлена, когда на часах замка пробило двенадцать.

– Ах, будем завтракать здесь. Тут так чудно свежо и мне не придется передвигаться. Вот идет, кажется, садовник, позовите его, Арно, и велите, чтобы завтрак подали сюда.

Вскоре пришла экономка в сопровождении двух лакеев с корзинами, и в одну минуту был сервирован сытный и прекрасный завтрак.

– Доложите графу и моему сыну, что кушать подано.

– И господину Веренфельсу, – поспешил прибавить Арно, поправляя умышленную забывчивость графини.

Когда Готфрид вошел в грот, Габриела сидела, небрежно откинувшись на спинку кресла, Арно с безмолвным восхищением обмахивал ее веером. Что-то шевельнулось в сердце Веренфельса против этой легкомысленной женщины, которая, пользуясь своей красотой, возбуждала чувства молодого человека, отделенного от нее пропастью. Когда граф вошел с Танкредом, Арно катил кресло к столу, и Габриела, сияя улыбкой, поклонилась мужу и сыну.

– Хорошо ли Арно исполнил должность рыцаря? – спросил граф. – Не скучала ли ты?

– Ах, скорей он мог скучать, но выказал идеальное терпение и обмахивал меня с ловкостью и неутомимостью римского невольника. Затем мы с ним много говорили; я рассказала ему, что в этом гроте ты сделал мне предложение. Но, боже мой, я теперь припоминаю, что здесь же мы заметили первый зуб у Танкреда.

Граф улыбнулся.

– Да, это место полно воспоминаний.

– А я за это украсила его. Тебе, мой милый Вилибальд, я также сохранила одну из моих роз и после завтрака сама вдену ее в твою петлицу.

Она продолжала болтать и шутить, вполне игнорируя Готфрида, который сел молча к столу и не вмешивался в разговор. Это недоброжелательное презрение Габриелы к воспитателю Танкреда смущало обоих графов, и они старались окружить его усиленной приветливостью. Не раз взгляд графини скользил по лицу молодого человека, который с холодным бесстрашием, казалось, ничего не замечал.

В ту минуту, как Арно наливал вино в рюмку, которую графиня с кокетливой улыбкой протянула ему, взгляд ее встретился с взглядом Готфрида. Темные глаза молодого человека не выражали восхищения, и под этим строгим, пытливым взглядом она опустила ресницы.

– Господин Веренфельс, строгий спартанец, должно быть, не одобряет, чтобы женщины пили вино.

– Если б я поднесла моему пасынку кубок, наполненный ядом, вы не могли бы бросить на меня более грозного взгляда.

Готфрид улыбнулся, и его холодный, едкий взгляд с насмешкой устремился на красивое лицо его недруга:

– Мне очень жаль, графиня, что мой безобидный взгляд так не понравился вам. Впрочем, я полагаю, что такая прелестная и нежная рука не способна подать яд в рюмке вина.

– Тогда как же она поднесет его?

Габриела улыбнулась, но ее пылающие глаза пожирали дерзкого молодого человека. Он нагнулся и, понизив голос, спросил:

– Вы хотите знать как?

– Да.

– Например, в благоухании розы. Аромат цветка, говорят, тоже смертельный яд.

Габриела, побледнев, отвернула голову, но так как завтрак закончился, то все встали, и слуги проворно убрали со стола.

– Поди сюда, Танкред, – позвала графиня.

Мальчик стремительно подбежал и с жаром обнял ее.

– Ах, мой кумир, ты слишком пылок. И потом нехорошо, что так растешь. Я бы должна не признавать тебя: такой большой мальчик старит меня преждевременно. Кончится тем, что скоро ты будешь называться лишь папиным сыном.

Говоря это, она привлекла к себе голову ребенка и покрыла поцелуями его губы, глаза и шелковистые локоны.

– Вилибальд, ты можешь гордиться своим сыном, ведь он красив, как юный бог. В Париже, на водах, в Италии все были без ума от этого очаровательного ребенка. И он будет еще лучше, когда я одену его в привезенные мной костюмы, приспособленные к его рода красоты. Арно, – обратилась она улыбаясь к пасынку, – для вас он будет опасным конкурентом у хорошеньких женщин и разобьет немало сердец.

– Ну этого можно не бояться, – отвечал смеясь Арно. – Прежде чем Танкред делается таким страшным донжуаном, мне уже будет за тридцать, и я буду вполне остепенившимся человеком.

– Женатым и отцом семейства, надеюсь, – присовокупил граф.

Но Танкред превратно понял слова брата и, покраснев, подбежал к нему.

– Ты воображаешь, Арно, что я еще не умею ухаживать за дамами? Ты очень ошибаешься. Я всему научился у барона Ленэ, у графа Бомона, дона Маносла де Риваса и других маминых поклонников, которые к нам ездили. Я не хуже тебя умею подавать букет, носить веер или книгу и бросать такие взгляды.

И Танкред поднял глаза с таким комичным выражением влюбленного, что оба графа разразились неудержимым смехом. Габриела покраснела.

Готфрид один остался серьезным и взглянул неодобрительно на легкомысленную мать, достойную глубокого осуждения за то, что пробуждала глупое тщеславие в сердце своего ребенка восхвалением его красоты. Графиня уловила этот взгляд.

– Наш строгий наставник недоволен, я это вижу, – сказала она насмешливо, – и боюсь, как бы бедный Танкред не заплатился двойной работой за мое материнское поклонение.

– Это правда, я не даю ему случая упражнять те способности, которыми он сейчас хвастался, – ответил молодой человек спокойно.

– Веренфельс хорошо делает, что заботится о приобретении мальчиком более полезных знаний, – заметил граф, вставая.

– Ты уходишь, Вилибальд, а я хотела попотчевать тебя конфетами, которые привезла. – И графиня надула губки. – Беги скорей, Танкред, и скажи Сицилии, чтобы она дала тебя ящичек с инкрустацией, она, вероятно, уже вынула его.

– Я вернусь еще, чтобы отведать конфет, мне нужно сделать некоторые распоряжения на фазаньем дворе. Не хочешь ли пойти со мной, Арно? А вы, Готфрид, останьтесь, займите графиню и прочитайте ей хорошую проповедь об обязанностях рассудительной матери.

Веренфельс собирался уйти, но эти слова удержали его. Он понимал намерение графа установить во что бы то ни стало более дружеские отношения между учителем и матерью своего сына; но так как молодая женщина тотчас по уходе мужа откинулась на спинку кресла и закрыла глаза, то он, прислонясь к массивной порфировой вазе с цветами, молча устремил взгляд на красавицу. В небрежной, сладострастной позе она казалась олицетворенным искушением. Как бы почувствовав тяготевающий на ней взгляд, Габриела вдруг открыла глаза.

– Я жду, милостивый государь.

– Что прикажете, графиня? – спросил он с некоторым удивлением.

– Что прикажете! – повторила она с насмешкой. – Я ничего не смею вам приказывать, это мне строго запрещено. Но я жду проповеди, которую мой муж поручил вам мне прочесть.

– Граф шутил, говоря о проповеди, графиня; я не имею никакого на то права. Но так как вы сами начали этот разговор, то позвольте мне вам сказать, что вы сделаете несчастным вашего сына, если будете продолжать относиться к нему так неблагоприятно. Красота ребенка может приводить в восхищение его родителей и всех его окружающих, но возбуждать в нем тщеславие, говоря ему о его физических преимуществах, по-моему, преступно. Нет ничего противней женоподобного мужчины, фата, хвастуна, который думает, что физическая красота

может скрыть его невежество и его душевную пустоту. А таким человеком будет Танкред, уже напыщенный фатовством, если вы не остановитесь в своей слабости к нему. Вы раздражены против меня, графиня, и то, что я сейчас сказал, конечно, не понравилось вам; но Бог свидетель, что все, что я делаю и говорю, имеет целью лишь благо мальчика, порученного мне.

Габриела слушала, устремив взгляд на красивое, энергичное лицо учителя, но ответить она не успела, так как вбежал Танкред в сопровождении лакея, несущего колоссальную бонбоньерку; затем пришли оба графа. А немного спустя графиня сказала, что устала, и попросила отвезти ее в свои комнаты.

Как и предвидел доктор, в конце недели Габриела была вполне здорова и ее ноги исправно служили ей. Для нее это было все, так как ее подвижная натура не выносила покоя. Молодая женщина непрестанно придумывала новые развлечения, и Арно помогал ей в этом с большим рвением. Устраивал кавалькады, сельские праздники и приглашал всю семью провести один день у него в Арнобурге, что приводило в восторг графиню. Она никогда не ступала туда ногой и горела нетерпением войти победительницей в это гнездо своих старинных врагов.

Наконец настал столь желанный день посещения Арнобурга. Граф протестовал против немногочисленного общества, находя это очень скучным; но Арно обещал ему, что все будет семейно, что его избавят от продолжительных прогулок и что доктор и уездный судья приедут вечером составить ему партию в вист.

Был полдень, коляска ждала у подъезда, и резвые лошади, горячась, били копытами от нетерпения. Граф и Готфрид, в перчатках и со шляпами в руках, ходили взад и вперед по вестибюлю.

– Дай бог терпения! – воскликнул граф, смотря на часы. – Туалеты жен это истинная напасть для мужей, да вы, конечно, знаете это по опыту, Веренфельс, так как сами были женаты. Молодой человек покачал головой, улыбаясь.

– Нет, моя бедная, покойная жена была простая, скромная женщина, для которой туалет составлял последнюю заботу. Она не возводила его в искусство, а у меня не было средств наряжать ее. Но совершенно естественно, что у женщин высшего общества другие требования.

Граф вздохнул. Он знал, чего ему стоили в год эти светские требования жены.

В эту минуту одна из дверей отворилась, и ней появилась Габриела. Она вела за руку Танкреда. Следом шла камеристка. Графиня была в белом платье, которое казалось совсем простым, но знаток сумел бы оценить дорогие вышивки, украшавшие это кисейное платье, и редкие кружева на ее мантиле и на зонтике. Танкред был в парижском костюме из шелковой материи цвета экры с широким кружевным воротником и широким красным кушаком, обшитым бахромой; красный ток прикрывал его черные кудри. Оба они были действительно так красивы, что просились на полотно. Позабыв все, граф устремил на жену и на ребенка взгляд, исполненный любви и гордости.

Заметив восторг мужа, Габриела слегка покраснела и с милой простотой извинилась, что заставила его ждать.

– Я вполне вознагражден твоим прелестным видом, а костюм Танкреда действительно очень красив! – отвечал любезно граф, сам помогая жене сесть в экипаж.

День был прекрасный и жаркий. Габриела раскрыла свой зонтик на ярко-красной подкладке и спокойно прислонилась к подушкам. Она была в прекрасном расположении духа и весело разговаривала с графом и даже с Готфридом, сидевшим против нее.

Проехали лес, который со всех сторон опоясывал Рекенштейн. Гордо возвышаясь на уединенной скале, показался вдали Арнобург. То было огромное здание, менее тронутое временем и нововведениями, чем Рекенштейн.

Когда коляска из-под мрачного свода ворот въехала в главный двор, три молодых человека уже с нетерпением ожидали гостей, стоя на ступеньках узкого крыльца. Арно, сияющий,

обнял отца и брата, пожал руку Готфрида и затем подал руку своей мачехе, чтобы вести ее к ожидавшему их завтраку. После завтрака осмотрели комнаты и вернулись в зал.

– Габриела желает, чтобы я ей показал фамильную галерею. Не хотите ли пойти с нами, Веренфельс? Я вам покажу портрет, который приписывают Гольбейну; все хотели его видеть. Я отдавал его реставрировать и вчера мне принесли его обратно.

Молодой человек с удовольствием принял предложение. Ему давно хотелось видеть эту галерею, но нельзя было, так как там проводили реставрационные работы. Они поднялись в первый этаж и длинным рядом парадных зал прошли в обширную галерею, освещенную с одной стороны высокими окнами со стрельчатыми сводами и простиравшуюся вдоль одного из фасадов замка. Эта огромная галерея с крестовыми сводами, как в монастырских коридорах, была выстлана косоугольными белыми и черными плитами, а на стенах, на темных панелях, размещались в два и даже в три ряда портреты всяких размеров и поясные и во весь рост, изображающие графов и графинь Арнобург-Рекенштейнских. Там и сям на пьедесталах красовались то воинские доспехи в полном комплекте, то пирамиды дорогого оружия, древних знамен и всяких трофеев.

Габриела остановилась, как очарованная.

– Ах, как это интересно! – воскликнула она, крепко сжимая руку Арно. – Отчего в Рекенштейне нет такой галереи? Я так их люблю; в них дышишь прошлым, под неподвижным взором этих угасших поколений. Впрочем, я нигде не испытывала такого странного, захватывающего чувства, какое ощутила, войдя сюда.

– Подобная галерея во всяком случае любопытна, как история костюмов в течение многих веков, – молвил улыбаясь молодой граф. – Но так как это собрание предков имеет счастье интересовать вас, дорогая Габриела, то я представлю вам их каждого отдельно. Начнем с правой стороны, с самых старых портретов. Вон первый Арнобург-Рекенштейн-Руперт и его супруга Агнеса.

И он указал на два портрета, писанных на дереве.

– А вот их внук Эбергард, который пошел в монахи, после того как задушил свою жену, по ложному подозрению.

– Фи! Изверг! – воскликнула Габриела, отходя прочь и отводя глаза от грозного рыцаря, окованного кирасой поверх монашеской рясы.

Спрашивая имена и знакомясь с историей жизни изображенных лиц, они медленно подвигались вперед; и по мере того, как они приближались к новейшим временам, галерея становилась богаче и полней.

– А это что такое? – воскликнула вдруг графиня, указывая на две большие рамки, занавешенные черным сукном.

– Эти портреты находятся в связи с печальной фамильной легендой и изображают жену и брата Арно Арнобургского, которого вы видите вот тут. – И он указал на портрет такого же размера, изображающий вельможу приятной наружности, в щегольском кос тюме времен Генриха II.

– Какая легенда? Расскажите нам, Арно, я предчувствую, что это что-то трагическое.

– Да, это нечто весьма печальное. Вот как эту историю передает нам хроника. Во второй половине XVI века в этом самом замке жили два брата: Жан Готфрид и Арно, на два года моложе первого. Они нежно любили друг друга; и когда младший, возвратясь из путешествия по Италии, привез молодую жену, – Жан Готфрид принял их с распростертыми объятиями. Бианка была дочь благородного венецианца, красивая как греза, но пагубная для тех, кто к ней приближался; все должны были ее любить, и, по словам хроники, в глазах ее был демон, убивающий тех, кто подчинялся ее чарам.

– Не разделяя мнений хроникера, я полагаю, что Бианка была красивое и опасное существо, которой нелегко было противиться. Бедный Готфрид испытал это на самом себе. К несча-

стью, Бианка питала к нему безумную страсть. Ему бы следовало бежать от нее, но он не имел на то силы и, забыв брата, увлекся ею. Но пылкой и страстной итальянке этого было недостаточно; она решила отделаться от мужа, который стеснял ее, и однажды Арно был найден заколотым, но удар оказался не смертельным, и граф выздоровел. Жан, любивший брата, несмотря на то что обманывал его, усердно ходил за ним; но глаза Арно раскрылись, и он осыпал брата заслуженными упреками. Узнав, что не кто иной, как Бианка посягнула на жизнь своего мужа, Жан Готфрид был охвачен ужасом и раскаянием, объявил своей невестке, что отказывается от нее и уходит в монастырь, чтобы искупить свое преступление. Конечно, эта безумная женщина вымолила у него последнее прощальное свидание. На этом свидании, устроенном в одном из старых флигелей замка, Бианка отравила своего любовника и себя. Их нашли мертвыми в уединенной комнате, которую Арно велел тотчас же замуровать, не приняв оттуда их тел. Затем велел занавесить черным сукном портреты двух преступников; и с тех пор ничей глаз не видел их.

Габриела слушала со сверкающим взглядом и с трепетным вниманием.

– Вам известно, где эта комната?

– Нет. И я полагаю, что эта легенда не имеет основания. Вероятно, эти несчастные были погребены без всякой пышности, что и дало повод распущенному слуху.

– Ах, Арно, велите снять сукно; мне бы хотелось видеть лицо бедной женщины, которая своею жизнью запечатлела свою любовь.

– Нет, нет, Габриела, – возразил молодой граф, отрицательно качая головой, – я не могу нарушить волю моего несчастного предка, все его потомки чтили ее. Потом я суеверен, а говорят, что тот, кто откроет эти портреты, навлечет на фамилию целый ряд несчастий.

– Какая глупость! Можно ли в наш просвещенный век верить таким сказкам? Умоляю вас, Арно, откройте портреты. Господин Веренфельс, помогите мне. Разве вам не интересно увидеть их?

Готфрид покачал головой.

– Нет, не надо шутить с судьбой и тревожить это мрачное прошлое. Будьте тверды, граф, не уступайте. Зачем видеть лицо вероломной женщины, которая двух человек ввергла в несчастье, посягнула на незаконное обладание и разрушила связь братской любви.

– Боже мой! Этот бедный Жан Готфрид был, конечно, более чувствителен к красоте. И какая ирония, что он носит имя того, кто так сурово его осуждает.

– Я жалею его за гнусную слабость, но Бианку осуждаю, так как не могу ни уважать, ни жалеть суетную, преступную кокетку, которая посягнула на жизнь мужа и любовника.

– Не всякий может быть Катонем, как вы, – проговорила графиня, краснея от досады и отворачиваясь.

Приблизясь к Арно, она снова стала умолять его с такой настойчивостью, что молодой человек начал терять твердость; и когда слезы показались на ее чудных, синих глазах, обращенных к нему с жаркой мольбой, он не мог более противиться. Взял высокий табурет, стал на него и снял черное сукно, закрывавшее один из двух портретов; под этим покрывалом оказалось другое, третье, четвертое; последнее было снято и упало на пол, поднимая облако пыли. Тогда Арно и Готфрид вскрикнули, с изумлением переводя глаза от портрета Бианки на Габриелу. Графиня стала бледна, как ее белое платье, и молча всматривалась в черты преступной прабабки. Все трое долго не могли прийти в себя, потрясенные поразительным сходством между портретом и Габриелей. Это было то же бледное лицо с правильными чертами, такое же капризное выражение румяных губ, те же черные локоны, разница заключалась лишь в цвете глаз – у Бианки они были черные, суровые и страстные.

– Какое диво! – вымолвил, наконец, Арно. – Если бы не черные глаза и не костюм, то можно было бы думать, что вы, Габриела, служили моделью этому портрету.

– Да, это очень странно и доказывает во всяком случае, что все, что на меня похоже, предназначено принадлежать фамилии Рекенштейнов, – отвечала молодая женщина, стараясь улыбнуться. – Но, Арно, теперь надо открыть другой портрет; я горю желанием увидеть черты того, кто внушил моей предшественнице такую безумную страсть.

В тревожном раздумье и тоже волнуемый лихорадочным нетерпением, молодой человек дрожащей рукой сорвал покрывало со второй рамы; и взоры всех троих с безмолвным изумлением устремились на портрет графа Жана Готфрида. Это был красивый мужчина, мужественный, с насмешливым ртом; его большие глаза, синевато-серые, как сталь, светились гордостью и энергией; маленькая бородка пепельного цвета обрамляла его лицо, и из-под тока с пером выглядывали коротко остриженные волосы того же оттенка. Он был в ботфортах и в черном бархатном камзоле, обрисовывавшем его стройный, крепкий стан.

Молодой человек стоял, прислонясь к столу; одной рукой держал перчатку, другая опиралась на кинжал, висевший у его пояса. Оба портрета были великолепными произведениями большого итальянского художника. Однако изумление присутствующих было вызвано не одним лишь совершенством исполнения, а тем, что, исключая более серьезное и мрачное выражение лица и разницу в цвете глаз и волос, граф Жан Готфрид был верным портретом Готфрида Веренфельса. И Веренфельс, бледный, взволнованный, глядел на эту странную фигуру, так похожую на него. Арно первым пришел в себя.

– Какая поразительная игра случая, – промолвил он. – Габриела и Бианка – одно лицо, Веренфельс – живой портрет моего предка. Кто объяснит эту тайну природы? Но, – добавил он с живостью, – надо позвать отца и других, чтобы показать им это чудо.

И он ушел почти бегом.

Глаза Габриелы были прикованы к лицу Готфрида, поглощенного созерцанием этих странных портретов. Минуту спустя она сказала дрожащим голосом:

– Теперь, когда я видела любовника Бианки, признаюсь, меня удивляет ее вкус. Можно ли привязаться к человеку, каждая черта которого выражает суровость и холодность; его бесстрастные глаза никогда, вероятно, не оживлялись любовью, и я не думаю, чтобы он отвечал на страсть бедной, безумной женщины.

Молодой человек повернулся и устремил на графиню глубокий взгляд, озаренный необычайным блеском.

– Почему же нет! Я допускаю, что молодой граф мог быть очарован красотой Бианки. Впрочем, графиня, вы, может быть, правы. Быть очарованным красивой женщиной – не значит еще любить ее. Человек не оставляет ту, которую любит, но умирает, прижав ее к своей груди. Нет сомнения, однако, что бесчестный поступок всегда влечет за собой наказание, и человек, отдающий свое сердце на произвол страстей женщины, рано или поздно погибает. Если ваше предположение верно, графиня, то страсть Бианки понятна: холодность разжигает пламень, и отвергнутая любовь бывает всегда самой упорной.

Габриела слушала, не сводя с него взора. В первый раз она увидела огонь в его больших черных глазах, причем в его голосе, всегда спокойном, прозвучало нечто неуловимое, неопределенное. Она вздрогнула и с принужденной улыбкой сказала:

– Как бы ни было, не смешно ли, что две личности, так мало интересующиеся друг другом, как мы с вами, оказались живой копией этих древних Ромео и Джульетты. Надеюсь, что в этой жизни мы не станем настолько фатальны друг для друга.

Молодой человек почтительно поклонился.

– Лишь мне, графиня, может угрожать опасность, надеюсь, судьба пощадит меня.

Габриела покраснела, но не имела времени ответить, так как муж ее, в сопровождении Арно и двух баронов, поспешно вошел в галерею. Граф был взволнован и очень бледен.

– Это непροстительно! – сказал он с раздражением. – Как можно так беспечно касаться фамильных преданий, тревожить это преступное прошлое, навлекать на себя гонение судьбы?

– Арно сделал это по моей просьбе, Вилибальд.

– О, я знаю, что твои прихоти не останавливаются ни перед чем.

– Милый папа, можешь ли ты придавать веру такому нелепому предрассудку, – ответил молодой человек примирительным тоном. – Слава богу, с тех пор никто из нашей фамилии не умер трагической смертью.

– Никто, – промолвил граф с горечью, – ты забываешь сына Бианки, который умер тоже насильственной смертью.

– Как это было? – спросила с волнением Габриела.

– Ну, успокойся, раз дело сделано, – сказал граф, овладев собой. – Но происшествие, о котором я вспомнил, дейст вительно весьма печально. Бианка оставила сына, который был живым портретом графа Жана, но имел такую же страстную, необузданную натуру, как его мать. Войдя в возраст, он влюбился в дочь ювелира и, по всей вероятности, женился на ней тайно. Не удовлетворив своей страсти, он стал жалеть, что поддался увлечению, и вступил в супружество с молодой девушкой княжеского рода. Бедная Роземунда, которая уже имела от него сына, восстала против этого брака, но напрасно, так как у нее не было доказательств ее прав на графа. Она, по-видимому, покорила судьбе, но обладая дивной красотой, сумела снова воспламенить сердце изменника и согласилась иметь с ним свидание в охотничьем павильоне. Но на следующий день Филипп Арнобургский был найден задушенным шелковым шнурком во время сна; его ребенок, тоже задушенный, лежал в ногах кровати. Что касается Роземунды, она исчезла и пропала без вести.

Несколько месяцев спустя графиня Елизавета произвела на свет сына, который и стал продолжателем рода. Вы видите, друзья мои, что все, что происходило от этой преступной четы, приносило несчастье нашей фамилии. И их поразительное сходство с живыми лицами придает еще более вероятности моим дурным предчувствиям.

Потолковав еще о странном факте и полюбовавшись обоими портретами, все общество ушло из галереи. Но спокойствие было нарушено, веселость стихла; граф остался озабоченным, графиня была печальна и молчалива, и тотчас после чаю семейство тронулось в обратный путь. Ехали молча, каждый был погружен в свои мысли, и Готфрид не подозревал, что в темной глубине коляски глаза Габриелы были прикованы к его лицу и следили за каждым его выражением, причем воображение молодой женщины наряжало его в разрезной камзол, в ток с пером и... как знать, быть может, наделяло его и теми чувствами, которые волновали сердце графа Жана Готфрида Арнобургского.

Скрытая борьба

Следующие затем недели прошли без особых событий. Графиня казалась веселой, была неизменно нежна и приветлива с мужем, кокетлива и благожелательна с Арно, непростительно снисходительна к Танкреду, и лишь относительно Готфрида расположение ее духа было подвержено постоянным изменениям. То она была любезна, добра и, казалось, находила удовольствие в его обществе; то становилась надменной, язвительной, капризной, обращалась с ним, как с подчиненным, и, казалось, не выносила даже его голоса. Молодой человек с невозмутимым спокойствием покорялся этим незаслуженным переходам от благорасположения к немилости, за что граф был ему бесконечно признателен и всячески старался вознаградить его за такую несправедливость.

В один из периодов враждебного настроения Танкред был особенно ленив и невежлив. Готфрид наказал его и оставил без обеда. Габриела узнала об этом, только садясь за стол; она сильно покраснела, но промолчала, услышав, что ее муж одобряет наказание, которому подвергли ее кумира. Но едва встали из-за стола – она скрылась.

Граф ничего не заметил и сел играть в шахматы с Арно; Веренфельс, угадывая причину ее исчезновения, поспешил пойти к себе. Он не ошибся. Еще издали он услышал стук в дверь к Танкреду и, войдя в учебную залу, увидел графиню. В руках у нее была корзиночка с пирожками и холодным мясом; покраснев от злости, она силилась открыть дверь, ведущую в место заточения ее баловня.

– Дайте мне ключ! Ключ! – кричала она повелительно. – Я хочу видеть моего сына!

– Извините, графиня, но пока Танкред не осознает своей вины, не попросит прощения и не ответит своих уроков, он останется наказанным и запертым. Потом, если вы желаете, я пришлю его к вам.

– Уж не думаете ли вы давать мне предписания? – крикнула Габриела вне себя. – Я приказываю вам отворить дверь; я хочу видеть моего сына, этого несчастного мученика, представленного вашему зверству идиотом-отцом.

Кровь хлынула к мужественному лицу молодого человека.

– Вы говорите об отце вашего сына так, что он может слышать, – сказал он, понижая голос. – А теперь, графиня, я попрошу вас оставить эту дверь, пока мальчик наказан, она не отворится.

– Оставь, мама, и не сердись, – крикнул Танкред за стеной. – Скорей можно тронуть камень, но не его, а я уж лучше останусь голодным, чем попрошу прощения у этого изверга.

– Советую тебе придержать свой язык; если я отворю дверь, чтобы заставить тебя молчать, то вряд ли ты будешь доволен, – сказал Готфрид таким знакомым Танкреду голосом, что это тотчас закрыло ему рот.

Но Габриела, казалось, дошла до безумия в своем бешенстве; с силой, какую нельзя было предполагать в этом прозрачном, нежном теле, она ринулась на дверь, дернула замок и сломала его. Готфрид с минуту глядел на нее с удивлением, как смотрят на дурно воспитанного ребенка, и хотел уже уступить, чтобы положить конец этой сцене, как вдруг Габриела повернулась, спустилась через балкон в сад и, как стрела, промелькнула мимо окна. Охваченный предчувствием, что из упрямства она решится на какое-нибудь безрассудство, которое будет иметь дурной исход, Готфрид бросился вслед за нею.

Помещение, выбранное новым воспитателем, находилось у стены одного из старых флигелей замка. Возле комнаты Танкреда, отделенная от нее лишь классной, была круглая башня, которая с давних пор стояла незанятой; в нее можно было войти из сада, по витой лестнице подняться в комнату первого этажа, а из этой маленькой залы другая лестница вела вниз в кабинет, смежный с комнатой Танкреда, который запирался лишь с внутренней стороны. Но

графиня не знала, что эта вторая лестница, уже подгнившая, была снята; другая, такая же ветхая и без перил, тоже предназначалась к сносу.

Готфрид не ошибся и догнал Габриелу у входа в башню, но напрасно он кричал ей: «Не поднимайтесь, это опасно!», как бы ослепленная своей экзальтацией, графиня с легкостью поднялась по колеблющимся ступеням. Веренфельс побледнел и, не думая об опасности, какой подвергался сам, пошел тем же путем и достиг маленькой залы в момент, когда графиня ступала ногой на вторую лестницу, от которой осталось всего две-три ступеньки. Еще шаг, и она упала бы в пропасть, которую вдруг увидела перед собой; голова ее закружилась, но сзади кто-то схватил ее и поднял, как перо. Очнувшись, безмолвная от ужаса молодая женщина сознавала, что чудом избавилась от смертельной опасности; шатаясь, поддерживаемая Готфридом, она дошла до старого дивана, покрытого потертой парчовой материей.

– Можно ли так искушать Бога? Еще секунда и вы бы упали и расшиблись, – сказал он строго, с досадой.

Габриела ничего не ответила. Закрыв лицо обеими руками, она разразилась судорожными рыданиями; и силой этой реакции исчезли и досада, и страх.

Ни один мужчина не может видеть равнодушно слезы молодой и красивой женщины, особенно если он только что боролся за ее жизнь. Слезы вообще искажают лицо, но этому оболстительному, опасному созданию они, напротив, шли чрезвычайно; страх, злость, скорбь – все, казалось, было создано, чтобы делать ее еще красивей. Готфрид не избегнул общего правила; с восхищением художника он всматривался в лицо Габриелы, орошенное слезами, и, подойдя к ней, сказал мягко:

– Успокойтесь, графиня, вы избегли несчастья. Но такого неблагоприятного приступа упрямства я не мог от вас ожидать. Сделайте же милость, поверьте мне, что я имею в виду лишь пользу для вашего ребенка.

Она ничего не ответила. Однако Готфрид не мог допустить, чтобы она возвращалась одна этим опасным путем, так как у нее легко могла закружиться голова; он отошел и, прислонясь к окну, ждал, когда его случайная спутница успокоится. У ног его густыми массами тянулась зелень парка, над ним расстилось голубое безоблачное небо. Молодой человек погрузился в свои думы, и тяжелый вздох приподнял его грудь, вздох нравственного утомления и жажды свободы.

В эту минуту он почувствовал легкое прикосновение к своей руке и услышал запах фиалки, любимый запах графини. Он с удивлением повернул голову и увидел перед собой Габриелу. Молодая женщина преобразилась; слезы еще блестели на ее длинных ресницах, но большие синие глаза глядели на него с выражением чистосердечия и раскаяния. Полусмушенно, полуулыбаясь, она промолвила:

– Простите мне мою вспышку и мою несправедливость относительно вас.

Несмотря на гордое спокойствие его натуры, сердце молодого человека забилося сильнее; он не ожидал, что сирена будет извиняться; этот чарующий взгляд, блестящий каким-то неопределенным выражением, этот тихий молящий голос смутили его. Но тотчас овладев собой, он взял ручку, еще лежавшую на его руке, и почтительно поцеловал ее.

– Если вы, графиня, считаете себя виноватой передо мной, то прощаю вам от всей души, но с условием, – проговорил он, улыбаясь.

– С каким?

– С тем, что если прекрасная владелица замка снова увлечется своей материнской слабостью, я буду иметь право напомнить ей наш разговор в этой башне.

– Согласна; только условие за условие. Не говорите ни мужу, ни Арно об этой безумной выходке.

– Буду молчать, если вы этого желаете, графиня. Но теперь нам нужно сойти вниз; имеете ли вы на то силы после такого волнения?

Графиня подошла к выходу, но, взглянув на лестницу, отступила, бледнея.

– Не могу, у меня кружится голова. Как могла я в моем безумии не видеть, куда иду?

– Я спущусь первый и подам вам руку. Ступени крепче, чем я думал, они выдержат нас обоих.

– Я боюсь, мы оба потеряем равновесие.

Готфрид улыбнулся.

– Не бойтесь, графиня, я не подвержен головокружениям.

Он стал спускаться, поддерживая молодую женщину, но едва они прошли ступеней десять, как Габриела остановилась и закрыла глаза.

– Не могу, я упаду, – прошептала она.

Видя, что она пошатнулась и побледнела как смерть, Готфрид крепко обвил рукой ее талию.

– Держитесь за меня, графиня, и не смотрите вниз.

Он продолжал осторожно спускаться, не столько ведя, сколько неся строптивицу, которая крепко держалась за него; подгнившие доски трещали под их ногами, песок и камни срывались в пропасть, и он вздохнул свободно, когда сделал последний поворот. Его спутница не шевелилась; как бы лишённая чувств, она оставалась в объятиях, поддерживающих ее. Быть может ей было дурно.

– Опасность миновала, графиня, мы ступим сейчас на землю, – сказал Готфрид, повернув голову к Габриеле. Но в ту же минуту почувствовал, что по телу его пробежала как бы электрическая искра, и дыхание его остановилось. Он встретил взгляд женщины, устремленный на него с выражением такой страстной любви, что мгновенно ее отношение к нему, ее ненависть и капризы озарились новым для него светом. Этот взгляд промелькнул, как молния; она уже опустила ресницы и смотрела в пропасть. Но Готфрид знал теперь все и, как человек молодой, поддающийся влиянию красоты, не мог отнестись холодно к такому открытию. Кровь бросилась ему в голову, и, тяжело дыша, он поспешил спуститься с последних ступеней.

Свежий воздух сада, казалось, привел графиню в себя. Избегая взгляда своего спасителя, она прошептала несколько слов благодарности и скрылась в аллее. Молодой человек пришел к себе с отуманенной, пылающей головой и кинулся в кресло.

– Что, я сошел с ума или видел сон? – шептал он. – Нет, этот взгляд таков, что нельзя обмануться. Я должен бежать, покинуть замок; гибель и бесчестие гнездятся в этих синих глазах. О, я тысячу раз предпочту ее ненависть.

Однако, по мере того как он успокаивался, рассудок внушал ему сомнение в том, что Габриела полюбила его, и Готфрид спрашивал себя, не принял ли он за любовь то, что было лишь искусным кокетством. Он решил быть осторожным, наблюдать за молодой женщиной и уехать, если это окажется нужным, но не ранее, так как ему было жаль оставить без важной причины свое выгодное положение.

Следующие дни укрепили Готфрида в мысли, что он ошибся. Габриела была любезна и добра с ним, но ничем решительно не выдавала других чувств. Расположение, все более и более сильное, которое она оказывала Арно, убедило его окончательно, что эта опасная кокетка не выносила ни в ком равнодушия к своей особе.

Сентябрь был на исходе. Осень давала себя чувствовать: пожелтевшие листья покрывали аллеи парка, частый дождь стучал в окна, и многие соседние замки опустели – их обитатели возвратились в столицу, чтобы приняться за свои дела или предаться удовольствиям. Унылый вид природы как будто отражался и на лице прекрасной владельницы Рекенштейнского замка; она казалась озабоченной и скучающей. Однажды за обедом говорили о возвращении в город одного соседнего семейства, причем Габриела сказала, что охотно последовала бы их примеру. Граф, казалось, не понял этого легкого намека и заявил спокойно, что предпочитает мирную семейную жизнь шуму и суете столицы и что проведет зиму в Рекенштейне.

С того дня лицо молодой женщины сделалось совсем мрачным, она стала раздражительна, капризна, перестала выезжать и не выходила из своих комнат. Граф, казалось, не видел, не понимал этих бурных симптомов, но Арно тем более внимательно следил за ними и, твердо решаясь согнать всякую тень с чела обожаемой мачехи, отправился раз утром к ней в будуар.

Он нашел ее полулежащей в длинном кресле, черный бархатный пеньюар на серизовой атласной подкладке обрисовывал ее изящные формы и еще более подчеркивал белоснежный цвет ее лица и рук, выглядывающих из-под широких рукавов. Книга, валявшаяся на ковре, показывала, что она имела намерение читать. Поздоровавшись, Арно придвинул к дивану стул и, целуя ее руку, сказал с некоторым участием:

– Дорогая Габриела, я давно вижу, что вы печальны, недовольны, озабочены, но не знаю отчего. Скажите, что с вами, и будьте уверены, что я сделаю все, что от меня зависит, чтобы устранить от вас всякую неприятность.

Графиня приподнялась.

– Я знаю, что вы добры, Арно, а между тем боюсь, чтобы вы не сочли меня неблагодарной и неразумной. Обещайте мне быть снисходительным и... я признаюсь вам во всем.

Она положила руку на плечо молодого графа и, наклонясь так близко, что ее щеки почти касались его щеки, глядела на него простодушным, молящим взглядом.

Горячий румянец покрыл щеки Арно, и глаза его сверкали, когда он прижал к губам руку, лежавшую на его плече.

– Говорите, Габриела, вы не можете сомневаться во мне.

– Я бы желала, конечно, чтобы все так добросердечно относились к моим слабостям, – промолвила со вздохом графиня. – Так я сознаюсь вам, Арно, что мысль прозябать жалким образом всю зиму здесь положительно гложет меня. Я привыкла к обществу, к развлечениям, чувствую потребность посещать театры, слушать хороший концерт, а не карканье ворон. И все это возможно без особых хлопот, так как Вилибальд имеет в Берлине дом вполне устроенный, но он не хочет, потому что ревнив, как был и прежде.

– Можете ли вы винить его в этом? – спросил Арно, опус тив глаза.

– Ну да, я понимаю, что ему, болезненному и ленивому, не хочется выезжать и что ревность мучает его, когда я езжу одна. Но может ли он бояться чего-нибудь теперь, когда вы со мной, Арно, вы мой сын, мой брат, мой естественный покровитель там, где нет моего мужа. Мы можем не тревожить его и вместе с тем не плесневеть здесь, и, конечно, никто не осудит меня за то, что я танцую с моим сыном.

– Папа, вероятно, у себя в кабинете, – сказал Арно, вставая. – Я тотчас пойду переговорить с ним. Ободритесь, Габриела; если победа возможна, я одержу ее.

Приложив пальчик к губам, она послала ему воздушный поцелуй.

– Идите, Арно, мой дорогой, и возвращайтесь с добрыми вестями. Я буду ждать вас, как моего избавителя.

Исполненный твердой решимости, молодой граф направился в кабинет отца, который в это время спокойно занимался своими счетами. Увидев сына, он положил перо и повел дружеский разговор; но молодой человек, весь занятый своим планом, перевел тотчас речь на аргументы, говорящие в пользу жизни в столице во время зимнего сезона. Граф сначала слушал молча, затем рассмеялся.

– Я понимаю, ты пришел послом, чтобы искусно передать мне желание Габриелы, так как прямые заявления ни к чему не ведут; но, дитя мое дорогое, по многим причинам я не могу согласиться.

– Не можешь ли ты мне назвать эти причины?

– Да, я буду вполне откровенен. Во-первых, нахожу, что не следует без нужды вводить мою жену в искушение. Не могу не сказать, что она возвратилась совсем иной, что она добра и полна внимания ко мне, но знаю тоже по опыту, какое опьяняющее впечатление производит

светская жизнь на это молодое, красивое существо, жаждущее поклонения. Когда она увлекается вихрем удовольствий, то не знает меры, а мое здоровье положительно не позволяет мне ездить по всем балам, обедам, концертам, вечерам, выставкам, театрам и пр. Мне нужен покой. Наконец, мои средства не позволяют мне таких непомерных трат, одни туалеты Габриелы поглощают страшные суммы, и мне потребовалось пять лет экономии и жизни в уединении, чтобы возместить ущерб, причиненный моему состоянию тремя зимними сезонами. Возобновить подобное безумие было бы непростительно; я должен думать о Танкреде и оставить ему наследство, не обремененное долгами.

Арно слушал внимательно.

– Я сознаю справедливость твоих аргументов, папа, но позволь мне некоторые возражения. По-моему, запретить молодую, красивую женщину в уединении, к которому она не привыкла, не приведет ни к чему хорошему и несомненно нарушит необходимые для тебя мир и спокойствие скорей, чем несколько выездов в город, так как, благодаря Богу, ты не какой-нибудь увечный. И наконец, разве я напрасно тут, разве не естественно, чтобы я заменял тебя около моей мачехи? Я буду охранять ее, как сестру, и буду делать это усердно, клянусь тебе, так как честь нашего имени мне дорога так же, как и тебе, я не допущу, чтобы малейшая тень омрачила ее. Что касается денежного вопроса, я понимаю его важность; но позволь указать тебе простое его решение. У меня в государственном банке значительные суммы, образовавшиеся из процентов с капитала за время моего несовершеннолетия, и из экономии деда, который, как ты знаешь, был немного скуповат. Эти деньги мне вовсе не нужны, так как я никогда не исстрачиваю и процентов, – и я прошу тебя взять этот накопившийся капитал, чтобы черпать из него на все, что потребуется на домашние расходы и на туалеты Габриелы сверх того, что ты желаешь тратить.

– Что ты говоришь, Арно! Я никогда не коснусь твоего наследства для пустяков. Нет, нет!

Он покраснел и энергично покачал головой. Но Арно взял руку графа, поцеловал ее и сказал ласково:

– Разве между нами может серьезно существовать вопрос о том, что твое, что мое; уступив моей просьбе, ты дашь мне доказательство любви и окончательного прощения всего, в чем я был виновен пред тобой в течение стольких лет. Скажи да, дорогой папа, и увидишь, как весело и счастливо мы проведем зиму в Берлине. Само собой разумеется, что денежный вопрос останется тайной между нами.

Граф привлек его к себе и поцеловал в лоб.

– Пусть будет, как ты желаешь. Я не имею духа сказать тебе нет, хотя оно было бы разумней; впрочем, обещаю следить, чтобы расходы не выходили из надлежащих границ. А теперь пойдем сообщить эту новость Габриеле, воображаю, в каком она беспокойстве.

Граф не ошибался: долгое отсутствие пасынка привело графиню в лихорадочное состояние, и она побледнела, когда отец с сыном вошли к ней. Но граф весело сказал:

– Твой посол выиграл дело, Габриела, мы проведем зиму в городе.

С криком радости, вырвавшимся из глубины души, она кинулась в объятия мужа и покрыла его поцелуями.

– Благодарю, благодарю тебя, Вилибальд! Ты положительно наилучший из мужей, и как там хочешь, а должен будешь танцевать со мной, уж я тебя не помилюю.

– Ну, не знаю, останешься ли ты при этом желании, когда будешь окружена молодыми танцорами, – отвечал граф смеясь.

– О, ты для моего сердца лучше и дороже всех. – И она прижалась головой к его плечу. – Но у меня к тебе просьба, Вилибальд. Разрешаешь ли мне поцеловать нашего доброго Арно, чтобы поблагодарить его за предстоящую веселую зиму; этим я обязана его красноречию, победившему твое непреклонное сердце.

– О, конечно, он вполне заслужил твоего поцелуя. Кроме того, ты должна заискивать в его благорасположении, так как он берется заменять меня и будет твоим почетным кавалером, твоим аргусом.

Сияющая и веселая, как пансионерка, Габриела привлекла к себе пасынка и долгим, горячим поцелуем прильнула к его губам. «Мой аргус!» – промолвила она шутя. Но граф не видел, каким пламенным, чарующим взглядом она заглянула при этом в глаза молодого человека.

Известие, что решено покинуть Рекенштейн, было неприятной неожиданностью для Готфрида. Он подозревал, что Арно влиял на это решение, и жалел благородного, честного молодого человека, которого легкомысленная сирена толкала в пропасть, где он мог очнуться слишком поздно.

Спустя три дня Арно поехал в Берлин, так как граф поручил ему заняться устройством их дома. Молодой человек повел дело на широкую ногу. Обновил часть мебели и, чтобы доставить удовольствие Габриеле, заново отделал обширный зимний сад, печальное состояние которого очень ее огорчало.

Благодаря рвению Арно и его деньгам, зимний сад получил снова свой прежний блеск. Он изображал морские глубины, заключающие в себе гроты и другие фантастические сооружения из сталактита и раковин; в тени экзотических кустов и водяных растений красовались статуи; фонтан каскадами ниспадал в мраморный бассейн, а плюшевые скамьи изумрудного цвета манили к отдыху. Вечером, когда лампы, изображающие лилии и цветы лотоса, освещали эти тенистые уголки, когда свет этих ламп блестел, как драгоценные камни в мелких, как пыль, брызгах низвергающихся вод, – можно было думать, что находишься в каком-то волшебном мире.

В конце октября Арно уведомил, что все готово для приема семьи, но дела еще задерживали графа. Когда же и в начале ноября отъезд все еще не был назначен, раздражение и нетерпение Габриелы достигли своего апогея. Муж ее, заметив это лихорадочное состояние, сжалился над ней и сказал однажды за столом:

– Так как дела все еще задерживают меня здесь, я предлагаю тебе, дорогая моя, ехать без меня с Танкредом. А вы, мой милый Веренфельс, будете сопровождать и охранять мою жену. Мне совестно заставлять ждать долее моего доброго, заботливого Арно, который сгорает нетерпением там, как здесь таким же нетерпением томится моя милая капризница. Дней через двенадцать перееду и я. Габриела тем временем успеет только разобраться в своих вещах, заказать новые туалеты и отдохнуть к моему возвращению для визитов, которые нам придется с ней делать.

Графиня поблагодарила мужа, но в ту же минуту, краснея от досады, с удивлением устремила взор на Готфрида, так как в ответ на слова графа он возразил:

– Не лучше ли мне остаться, граф, чтобы помочь вам скорее окончить ваши дела; графиню сопровождает такая большая свита, что, мне кажется, вы можете быть совершенно спокойны.

– Нет, нет, с ней отправятся лишь один лакей и две камеристки. Остальных слуг привезу я сам. Мне хочется, чтобы вы ехали, Веренфельс; я буду спокоен за жену и за Танкреда.

После обеда, по уходе графа, Габриела, направляясь к себе, остановилась в комнате, смежной со столовой, и, обратясь к Готфриду, сказала язвительным голосом:

– Я еду завтра; если вы не будете готовы, господин Веренфельс, я доставлю вам удовольствие остаться здесь, только похищу у вас Танкреда. Как видите, я великодушна и даю вам возможность избежать роли Цербера.

Молодой человек почтительно поклонился.

– Я буду готов сопровождать вас, графиня. Что же касается роли Цербера, я счел бы ее слишком для себя лестной. Но есть ли надобность приставлять такого сторожа к графине Рекенштейн?

Его спокойный властный взгляд пронизал, как бы струей холодного воздуха, пламенный взор молодой женщины, и она быстро отвернулась.

Придя к себе, графиня с досады кинулась на диван. Этот дерзкий, человек осмеливался избегать чести сопутствовать ей. Неужели он настолько неуязвим, что один из всех остается бесчувственным к ее красоте? Для непомерного самолюбия Габриелы равнодушие было оскорблением, и она решила во что бы то ни стало бросить его к своим ногам и хорошенько отомстить. Она не думала теперь о том, что это был человек подчиненный, принадлежащий к тому роду людей, которых она привыкла презирать; нет, после найденного сходства между ним и графом Жаном Готфридом, образ Готфрида Веренфельса преследовал ее; что-то бушевало в ее груди, что-то влекло к нему, и сама она не подозревала всей глубины этого неопределенного чувства.

На следующий день графиня уехала в город с сыном и с Веренфельсом. Она, казалось, забыла свое неудовольствие и все капризы, была весела, пленительна, и так как Танкред все время ел, спал или глядел в окно, Готфрид в течение всего пути служил предметом ее искусного кокетства. Как человек хорошо воспитанный и артистичный, он отвечал любезностями хорошего тона на любезность этой очаровательной женщины. И в самой добро-согласии они приехали в Берлин, где Арно ожидал их на вокзале.

Рекенштейнский дом, старый, массивный, построенный в царствование Фридриха Великого, сохранил снаружи и внутри стиль и украшения XVIII века. Войдя в вестибюль, Габриела была приятно поражена, заметив, что все отделано заново и роскошно. Удовольствие ее увеличивалось по мере того, как они продвигались вперед по длинной анфиладе комнат. При виде своего будуара, этого изящного гнездышка, заново меблированного, с вишневого цвета обоями на стенах и такой же материей на мебели, с зеркалами в золоченых рамах и множеством душистых цветов, она вскрикнула от удовольствия:

– Благодарю вас, Арно, благодарю, это ваш подарок, я в этом уверена. Папа не подумал бы это сделать: порой он очень расчетлив.

– Нет, нет, все это от отца, а мой подарок на новоселье, дорогая Габриела, я покажу вам после обеда.

Графиня явилась к столу очаровательной и отдохнувшей. Она приняла ванну и оставила распущенными непросохшие волосы; лишь два маленьких коралловых гребешка придерживали их со обеих сторон; блестящие, шелковистые пряди спускались по ее простенькому платью из серого кашемира, отделанному широкой кружевной фрезой¹ вокруг шеи. Как бы не замечая восхищения молодых людей, она, смеясь, извинилась за свое вынужденное неглиже. После обеда, опираясь на руку Арно, графиня поспешила пойти взглянуть на обещанный сюрприз. Молодой человек, сияя радостью, повел ее в приемные комнаты и, пройдя бальный зал, остановился у двери, ведущей в зимний сад, которая прежде была заделана и завешена. Приподняв портьеру, он дал пройти Габриеле. Она остановилась, как очарованная. Все в этом волшебном месте было залито мягким и приятным светом, который отражался в каскадах и фонтанах; раззолоченные раковины горели, как в огне; в гротах царил таинственный полумрак. Танкред и Готфрид были тоже поражены, но мальчик прежде всех прервал молчание:

– Арно, ты волшебник! – воскликнул он, хлопая в ладоши.

Молодая женщина как бы очнулась от сна. И не думая о присутствии своего сына и его восхищении, с сияющим взглядом кинулась на шею молодого графа и, целуя его, твердила: «Благодарю, благодарю!»

Прислонясь к мраморной группе, Готфрид глядел на эту сцену с чувством сострадания к Арно, с чувством досады и отвращения к этой легкомысленной и безнравственной женщине, которая, пользуясь тем, что врожденная честность молодого человека делала его слепым, вли-

---

¹ Фреза, фрез – воротник из туго накрахмаленных и уложенных в мелкую складку кружев или ткани.

вала в его душу смертельный яд. Конечно, так могла благодарить сестра своего брата, мачеха – своего пасынка; но Габриела была слишком опытной женщиной, чтобы не понимать, какие чувства волновали Арно и выражались в его взгляде. Зачем же позволять себе проявление благодарности в такой опасной форме? Арно не давал себе отчета в том, что происходило в его душе; но случай мог сорвать завесу с его глаз, и какое будет его нравственное состояние, когда в нем явится сознание, что он питает безумную страсть к жене своего отца.

Как бы почувствовав неодобрительный взгляд, тяготеющий на ней, Габриела обратила глаза на Готфрида; руки ее опустились, и яркий румянец залил ей щеки.

Арно ничего не заметил, так как был слишком возбужден.

– Я глубоко счастлив, что вы довольны, Габриела. Теперь позвольте мне отвести вас к диванчику, возле которого стоит наяда: она имеет нечто поднести вам.

Место, на которое он указывал, было особенно хорошо. Там, прислоненная к стене, украшенной сталактитами, виднелась огромная раззолоченная раковина, на которой стоял маленький диванчик для двух человек. Возле этой раковины мраморная нимфа держала в поднятой руке букет водяных цветов, в их лепестках скрывались лампы.

Когда Габриела села, Арно взял с подножия статуи шкатулку с перламутровой инкрустацией и подал ее графине.

– Это мне? – спросила она, рассматривая с любопытством прелестный ящичек с графской короной на крышке.

– Конечно, вам. Это дар, который нимфа приносит своей прекрасной царице.

И Арно показал молодой женщине, как открывается сек ретный замок шкатулки. Внутри она была обита голубым бархатом и разделена на две части; в одной из них лежало великолепное жемчужное ожерелье с рубиновым фермуаром², в другой – сапфировая парюра³. На минуту Габриела онемела от радости и удивления.

– Арно, – сказала она наконец, – чем заслужила я этот царский подарок, который мне совестно принять? Это, вероятно, ваша наследственная драгоценность.

– Не беспокойтесь, Габриела. Конечно, я не имею права располагать фамильными драгоценностями, но поднесенные вам парюры принадлежат моей бабушке. И кто больше вас достоин носить этот жемчуг, дорогую для меня память о ней, и эти сапфиры, несовершенное подобие ваших чудных глаз?

Он нежно поцеловал ее руку.

В эту минуту вошел лакей и подал графу на маленьком серебряном подносе визитную карточку. Взглянув на нее, молодой человек встал с большим неудовольствием.

– Простите, Габриела, что я оставляю вас на минуту. Я должен принять одного моего хорошего знакомого. Это молодой бразилец, с которым я познакомился в Рио-де-Жанейро, а затем встречался с ним в Париже. Теперь он здесь. Я назначил ему свидание вчера вечером, но он не мог приехать и отложил визит до сегодня, о чем я совсем позабыл.

Оставшись одна, Габриела еще раз полюбовалась на свои подарки; потом позвала Веренфельса и сына, чтобы и они поглядели на них, но лишь Готфрид, который тем временем осматривал сад, пришел на ее зов; Танкред же ничего не слышал, весь поглощенный созерцанием большого аквариума, который он нашел в одном из углублений стены.

– Поглядите, господин Веренфельс, какой великолепный подарок я получила от Арно. Как он добр; другие пасынки ненавидят своих мачех, а он выказывает мне самую преданную любовь.

Готфрид стоял наклонясь над шкатулкой, но при последних словах графини поднял голову и, устремив глубокий, пылкий взгляд в глаза молодой женщины, сказал:

---

² Фермуар – застежка на ожерелье.

³ Парюра – набор ювелирных украшений, подобранных как по материалу, так и по цвету и орнаментальному оформлению.

– Да, графиня, это любовь, но любовь не к мачехе, а просто к женщине. Вы не можете не сознавать, какого рода чувство питает к вам Арно, а потому долг и сострадание разве не предписывают вам не платить ему за любовь злом, не губить его жизнь и его покой? Конечно, я не имею никакого права говорить вам это, я чужой, подчиненный человек в вашем доме, но ваш муж и молодой граф всегда относились ко мне как к другу, и совесть моя заставляет меня вам сказать: не злоупотребляйте, графиня, своей ослепительной красотой, не толкайте в пропасть вашего пасынка; Арно так благороден и так должен быть свят для вас, что вам нельзя обречь его на гибель.

Габриела слушала его бледная и трепещущая. Ее приводили в бешенство не столько его слова, сколько холодное спокойствие больших черных глаз, устремленных на нее без всякого восторга; они, казалось, читали в глубине ее души и беспощадно осуждали ее преступное кокетство. Бросив парюры, она встала и гордо, презрительно смерила взглядом молодого человека.

– Вы, кажется, бредите среди белого дня, господин Веренфельс, или, быть может, фантастический вид этой залы так омрачил ваш рассудок, что простую дружбу Арно, его сыновнюю преданность, его братские чувства вы объясняете таким гнусным образом. Никто не может мне запретить любить Арно, самая строгая нравственность не может осудить мою любовь к сыну моего мужа. Вам, милостивый государь, я замечу, что уже не первый раз вы позволяете себе переступать границы, которые предписывает ваше положение. Дружба моего мужа не дает вам права поучать меня; вы приглашены воспитывать Танкреда, а не его мать. И без ваших советов я сумею охранить честь мою и моей семьи.

Бесстрастный вид Готфрида при этом жестком ответе, странная улыбка, скользнувшая по его губам, подняли бурю гнева в груди Габриелы. И когда он поклонился и проговорил без всякого волнения: «Не премину принять к сведению приказание графини», – она повернулась к нему спиной и быстро вышла из сада.

В своем возбуждении молодая женщина пошла к себе самой дальней дорогой, приемными комнатами. В одной из них она вдруг увидела Арно и незнакомого молодого человека, которые разговаривали с большим оживлением. Смущенная и недовольная, графиня остановилась; уйти она уже не могла, так как молодые люди заметили ее и поспешно встали.

– Извините, дорогая Габриела, что я не предупредил вас, что мы расположимся в этой проходной зале, – сказал Арно. – Но если уж на долю моего друга выпала такая счастливая случайность, то позвольте мне представить вам дону Рамона Диоза, boello у Arrogo графа де Морейра. – Затем, обратясь к гостю: – Моя мачеха, графиня Рекенштейн.

Иностранец низко поклонился, но его черные, пламенные глаза впились в лицо молодой женщины с таким страстным восхищением, что легкая улыбка шевельнула румяные губки Габриелы, она протянула руку бразильцу, приветливо пригласила его от имени мужа быть частым гостем в их доме, затем извинилась и ушла.

– Madre de Dios! – воскликнул дон Рамон; глаза его горели восторгом. – Не сон ли это? Ужели я видел живое существе, а не небесное видение! Ах, граф, как я завидую вам, что вы сын такой женщины. Чтобы видеть ее, непрерывно любоваться ею, принадлежать ей, я был бы рад обратиться в ее болонку.

– Ну, дон Рамон, ваша тропическая кровь снова заговорила в вас с необузданной силой, – сказал Арно смеясь. – И без такой трудной метаморфозы вы можете видеть графиню и любоваться ею, если только останетесь в Берлине.

– Я не собираюсь уезжать, – ответил поспешно пылкий молодой человек.

За чаем Арно передал Габриеле свой разговор с доном Рамоном.

– Мало сказать: вы победили его сердце, вы убили его наповал, – заключил он смеясь. – И я боюсь, что мне будет стоить много хлопот, чтобы удержать в границах благоразумия кипящую лаву его чувств.

В следующие дни графиня была почти невидима; бегала по магазинам, делала бесчисленные покупки и заказы и деятельно приготавливала себе зимние туалеты. Габриела нашла в ящике своего стола портфель, туго набитый банковыми билетами. Она знала от кого это, и сердце ее наполнилось торжествующей радостью. Власть, которую она приобрела над Арно и его кошельком, открывала богатый источник для ее любви к расточительности; неведомый для мужа источник, из которого она готовилась черпать смелой рукой. Несмотря на эту неожиданную радость, на перспективу мотовства и безумной роскоши, которые готовила ей зима, Габриела не была вполне счастлива. Какое-то тайное беспокойство, какая-то непонятная пустота томили ее душу. И эта тоска сменялась порывами досады при виде человека, присутствие, голос которого, однако, заставляли биться ее сердце все с большей силой, человека, которого она хотела ненавидеть, но который ей нужен был как воздух, если она долго не видела его.

После тяжелой сцены в зимнем саду Готфрид держался крайне сдержанно, избегал, насколько возможно, присутствия графини, ограничивался той долей вежливости, которую он был обязан оказывать хозяйке дома, никогда не говорил с ней, а когда глаза их встречались, взгляд его скользил по ней с холодным равнодушием и, казалось, не видел ее. В подобные минуты сердце Габриелы переставало биться; она желала бы уничтожить дерзкого, но еще более желала бы повергнуть его к своим ногам.

Арно заметил эти натянутые отношения и решил спросить Габриелу, что это значит. Однажды утром, накануне приезда графа, Готфрид был свободен; у Танкреда болела голова, он не мог заниматься и прилегал отдохнуть. Пользуясь этим, молодой человек пошел в библиотеку читать журналы. Он сидел у подоконника, погруженный в чтение интересной учебной статьи, как вдруг услышал, что кто-то вошел в соседнюю комнату; затем раздались голоса Арно и графини. Сперва он не обращал никакого внимания на их разговор, но одна фраза графа, произнесенная несколько громче, заставила его поднять голову.

– Я давно хочу спросить, что стало причиной столь прохладных отношений, которые установились между вами и Веренфельсом. Он как будто избегает вас.

– Право, не знаю. Меня мало занимает расположение служащих у меня людей, – отвечала небрежно Габриела, – и я не понимаю, какой еще тон может существовать в отношениях между господами и прислугой.

– Мне тяжело слышать, что вы говорите, Габриела, и умоляю вас, не употребляйте никогда таких несправедливых и неуместных выражений, когда речь идет о таком уважаемом человеке, которого я чту, как своего друга. Я подозреваю, что Готфрид рассердил вас чем-нибудь, но как вы можете до такой степени преисполниться гневом, чтобы уравнивать со слугами того, кто воспитывает вашего ребенка. И потом я должен вам напомнить, что хотя несчастье и вынудило Готфрида стать в зависимое положение, он все-таки остается таким же дворянином, как и мы. Бароны Веренфельсы ведут свой род с крестовых походов, и последний их представитель не отличается от своих предков ни своей наружностью, вполне аристократической, ни своими благородными принципами.

Лицо Готфрида вспыхнуло от дерзких слов Габриелы, но, с трудом овладев собой, он остался на своем месте, прислушиваясь, что будет далее.

– Боже мой! Перестаньте бранить меня, Арно, из-за этого красавца, в которого вы с Вилибальдом решительно влюблены, – отвечала шутливо графиня. – Скажите лучше, какой цвет мне выбрать для первого бала, на который вы меня повезете первого декабря к барону X.

– Могу ли я вас бранить, Габриела! Неужели Веренфельс позволил себе что-нибудь в этом роде? Бедный мальчик! Какая злая доля – не понравиться самой красивой женщине в мире.

– Опять о нем! Это просто невыносимо. Впрочем, вы имеете способность угадывать. Мне кажется, что этот дуралей вменяет мне в преступление дары, которыми наделила меня природа. Ах, виновата, скажу иначе, так как вы этого желаете, Арно. Этот достойнейший человек, кажется, ничего не смыслит в красоте. Замечательный агроном, он в поле, в конюшне совсем

на своем месте, но на паркете чувств вует себя неловко. Его идеал, «вероятно, здоровая, деревенская женщина с широкими, как валеж, руками, толстощекая и румяная, как мак. Конечно, такую женщину он предпочел бы Венере Милосской, если только понимает разницу; но вернее всего, что он не умеет отличить коровы от порядочной женщины.

Графиня говорила с ожесточенным удовольствием, возвысив голос и отчеканивая каждое слово. И это потому, что она вдруг увидела Готфрида в зеркале, отражавшем через открытую дверь окно, возле которого он сидел и, казалось, был погружен в чтение журнала.

Следя за направлением взгляда Габриелы, Арно тоже увидел своего друга и покраснел до корней волос.

– Боже мой, что, если он слышал! – прошептал он.

– Тем лучше, – отвечала она с вызывающим смехом. – Но довольно на эту тему; перейдем опять к более важному, к моему бальному туалету. Вы еще не сказали мне, какой ваш любимый цвет.

– Розовый, цвет зари, и молодости, и... любви, – сказал Арно, глядя с благоговением на прелестное личико, обращенное к нему.

– Так решено, я буду в розовом. А теперь до свидания, моя модистка, должно быть, ждет меня.

Она послала ему воздушный поцелуй и исчезла.

С тяжелым беспокойством молодой граф прошел в библиотеку; он хотел как-нибудь оправдать неприличную выходку своей мачехи. Но при его появлении Готфрид, закрыв книгу, так флегматично поднялся с места, что Арно стал думать, что он ничего не слышал из их разговора. А когда затем Арно предложил ему ехать с ним вечером в театр, то Веренфельс так охотно согласился, что граф окончательно пришел к убеждению, что весь этот эпизод ускользнул от слуха молодого человека, поглощенного чтением.

На следующий день приехал граф Вилибальд и был очень нежно принят своей женой. Когда же он увидел роскошное устройство зимнего сада, то, покачав головой, сказал сыну:

– Исполняя мое поручение, ты так увлекся щедростью, дорогой мой Арно, что я боюсь, не соединилась ли в тебе расточительность твоего прадеда с расточительностью твоей милой мачехи.

День первого бала, на котором должна была появиться Габриела, наконец настал. Граф хотел сопутствовать ей, так же как перед тем делал с нею визиты; но на этот раз легкая простуда удержала его, и было решено, что Арно один будет сопровождать Габриелу. Вечером граф сидел в столовой с обоими сыновьями и с Веренфельсом. Чай отпили, и лишь Танкред продолжал грызть сухарики, перелистывая книжку сказок, которую он получил в этот день от отца. Арно, молчаливый и рассеянный, часто поглядывал на часы.

Готфрид дорого бы дал, чтобы уйти из комнаты. При воспоминании об оскорбительных словах, пущенных графиней на его адрес и ничем не заслуженных, все возмущалось в нем; но граф стал продолжать начатый разговор и отнял у молодого человека всякую возможность исчезнуть хотя бы для того, чтобы отвести спать Танкреда; мальчик получил позволение дожидаться прихода матери.

Послышался шелест шелкового платья, и все повернули голову к дверям. В комнату вошла Габриела, держа на руке *sortie de bal*, и улыбаясь остановилась между столом и каминном, вся залитая светом ламп. На ней было розовое атласное платье, покрытое кружевными воланами, приподнятыми с одной стороны длинными ветками роз, бриллианты сверкали, как роса на цветах и на листьях, и гирлянда полурастопившихся роз обвивала ее черные кудри, на шее сияло жемчужное ожерелье – подарок ее пасынка. Никогда еще дивная красота молодой женщины не являлась в таком ослепительном блеске; ей можно было дать восемнадцать лет, когда с простодушной, сияющей улыбкой она взглянула на мужа. Даже Готфрид не мог не восхититься ею. Она была прекрасна, как Армида, но и так же опасна. Арно, глядевший

на нее в безмолвном экстазе, служил тому доказательством. Глаза графа горели гордостью и любовью, когда он подошел к ней и, целуя ее в лоб, сказал улыбаясь:

– Многих ты сделаешь несчастными сегодня на балу.

Как бы в смущении графиня прислонила голову к плечу мужа, но из-под опущенных ресниц пламенный, нерешительный взгляд искал лицо молодого наставника, который, опершись на резной буфет, казался вполне равнодушным. Когда его черные глаза скользнули по ней, как бы не видя ее, такие холодные и бесстрастные, как будто глядели на какую-нибудь мебель, дрожь злобы пробежала по телу молодой женщины, и она быстро подняла голову. Граф еще раз окинул ее всю восхищенным взглядом.

– Никогда я не видел тебя такой красивой, дорогая моя, и жалею, что здесь нет живописца.

– Папа, господин Веренфельс – живописец, – воскликнул Танкред, – он рисует красивые картины и портреты.

– Вы художник? – спросил с удивлением Арно.

– Не более как любитель, и очень слабый, – отвечал молодой человек, слегка краснея.

– Вы слишком скромны, мой юный друг, – сказал весело граф, – но, как артист, вы, конечно, разделяете мое мнение, что в этом туалете Габриела достойна кисти великого художника.

– К сожалению, граф, я не могу выразить моего мнения по этому поводу, так как, по словам графини, я не способен отличить коровы от красивой женщины. Кроме того, я состою, по словам графини, в числе прислуги вашего дома, что исключает с моей стороны всякое выражение вкуса и восхищения.

Голос и взгляд молодого человека были проникнуты враждебной холодностью, и по мере того, как он говорил, лицо графини все более бледнело.

– Габриела, что это значит? – спросил граф, с удивлением насупив брови.

Ничего не отвечая, молодая женщина повернулась спиной к мужу и вышла из комнаты. Арно последовал за ней и в передней, помогая ей надевать шубу, прошептал:

– Я говорил вам, что Веренфельс не вынесет незаслуженных оскорблений.

– И отлично: я только того и добиваюсь, чтобы, наконец, выгнали из дома этого олуха, – отвечала она, и губы ее дрожали от бешенства. – Было бы слишком, если бы обидчивость моих слуг доходила до того, чтобы они позволяли себе говорить мне в глаза дерзости.

Стараясь всячески успокоить ее и очень огорченный ее волнением, Арно сел с ней в карету в надежде, что бальное оживление и предстоящий триумф сгладят это неудовольствие.

После поспешного ухода жены граф Вилибальд послал Танкреда спать, но удержал Готфрида, который хотел последовать за своим учеником.

– Я очень сожалею, – сказал граф, как только они остались одни, – что вы были оскорблены в моем доме так грубо. И кем же? Моей женой. Теперь прошу вас, Веренфельс, сказать мне, что тут случилось без меня? С самого моего приезда я замечаю между графиней и вами какую-то тайную вражду. Вероятно, вы опять поссорились с ней из-за Танкреда. И по какому случаю она отпустила вам такие любезности?

– Графиня, – отвечал Готфрид, – произнесла упомянутые мною слова в присутствии графа Арно. Он может сообщить вам все подробности, которые вы желаете иметь. Вообще, мы во многом расходимся с графиней, которая требует, чтобы все были рабами ее капризов, но я раб лишь своего долга. Я умею с должным почтением выносить ее неудовольствия, но позволить, чтобы она ставила меня в один ряд с лакеями, говорила, что я невозможен в салоне, как какой-нибудь олух, место которого на конюшне или скотном дворе, это не согласуется с моим достоинством. Я не могу оставаться в семействе, где без всякой причины подвергаюсь риску быть оскорбленным хозяйкой дома. И я пользуюсь случаем (которого ищу с минуты вашего приезда), чтобы поблагодарить вас, граф, за вашу доброту ко мне и попросить найти

кого-нибудь на мое место. Вы, конечно, понимаете и извините мое решение оставить ваш дом как можно скорее.

В мрачном раздумье граф слушал его не прерывая.

– Хорошо, Веренфельс, довольно сегодня на эту тему, мы поговорим об этом после. Всего доброго.

Он пожал ему руку и, раздосадованный, пошел к себе.

На следующий день утром Арно пришел, по своему обыкновению, поздороваться с отцом и узнать о его здоровье. Озабоченный, раздраженный вид отца заставил его понять, что надвигается гроза.

– Что с тобой, папа, ты как будто недоволен?

– Да, и имею на то основательную причину. Вчера вечером Веренфельс отказался от места и заявил, что желает как можно скорее оставить дом, где он не огражден от самых грубых оскорблений. Таким образом, мне угрожает лишиться в нем моей правой руки и человека, который имеет такое благотворное влияние на Танкреда; и все это из-за глупых капризов и взмутительного обращения, которое позволяет себе Габриела.

– Как это прискорбно, – прошептал Арно. – Но, быть может, оно и к лучшему, так как Габриела тоже требует, чтобы ему отказали.

– Что такое? Она осмеливается требовать, чтоб он покинул нас, тогда как сама без всякой причины оскорбила его? – сказал граф, бледнея от досады. – Я должен радикально разубедить ее. Меня утомили все эти пертурбации в моем доме, вызываемые ее причудами. Я не хочу, чтобы Веренфельс уехал, и тотчас пойду объявить Габриеле, что, если она не извинится перед Готфридом и не устроит так, чтобы он остался, я на этой же неделе уеду с ней в Рекенштейн; там она сама будет смотреть за Танкредом и учить его, так как ради потехи выгоняет тех, кто избавляет ее от этого труда.

Молодой граф покраснел до корней волос.

– Отец, ужели ты серьезно думаешь требовать от своей жены такого унижения? И я предсказываю тебе, что Габриела на это не согласится. Выходка Веренфельса тоже перешла границы; нельзя говорить порядочной женщине, что ее не могут отличить от коровы.

– Ах, отлично можно, раз эта порядочная женщина забывается до того, что вызывает такую выходку, причисляя к лакеям воспитателя своего сына. Я попрошу тебя, мой милый Арно, не вмешиваться в дело, которое исключительно касается меня и должно кончиться так, как я желаю. Твоя маменька слишком широко пользуется удовольствиями зимнего сезона в столице, чтобы не постараться всячески не лишиться себя этого. Кстати, не знаешь ли, от кого могла быть прислана сегодня на имя Габриелы корзинка с цветами?

– Должно быть, от графа Морейра. Не смущайся этим, отец; дон Рамон отличный малый, но, как бразилец, он немного экзальтирован, и красота Габриелы положительно помрачила его рассудок.

Граф насупил брови, ничего не отвечая. И Арно, находясь в тяжелом волнении, поспешил уйти и даже не остался дома, желая успокоиться на свежем воздухе и избежать предстоящих сцен.

Вытянувшись в длинном кресле своего кабинета, Габриела отдыхала от утомлений бала. Она вертела в руках розу, выдернутую из корзины с чудными цветами, которая стояла на столе возле нее. С задумчивой рассеянностью она мяла, обрывала цветок, и было очевидно, что это благоухающее приношение дон Рамона, равно как и он сам, не занимали ее мыслей. Мечты молодой женщины были прерваны появлением камеристки, доложившей о приходе графа. С видимой досадой графиня приподнялась, но, тотчас скрыв свое чувство, опять улеглась на диван, и, когда вошел муж, лицо ее было приветливо и спокойно.

Граф был озабочен, рассеянно поклонился жене и, не поцеловав ей руку, как делал это всегда, взял стул и сел против нее. «Ах, – подумала она, – он пришел бранить меня за вчерашнюю историю». Но громко, самым невинным тоном, спросила его с участием:

– Как ты бледен, Вилибальд, ты, верно, дурно спал?

– Да, Габриела, я дурно спал и по твоей вине. Вчера после твоего ухода Веренфельс отказался от места.

– И умно сделал после беспримерной дерзости, какую позволил себе против меня.

– Он поступил согласно оскорблению, которое ты высказала так громко, что он мог слышать, и, сознаюсь, его резкость, тобой же вызванная, удивила меня менее, чем то обстоятельство, что моя жена выказала такое отсутствие такта и хорошего воспитания. Оскорбить грубыми неприличными словами честного человека, которого несчастье поставило в зависимое от тебя положение, – неслыханное дело для женщины твоего звания.

Графиня зевнула и, лениво потягиваясь, сказала:

– Боже мой! Ты, кажется, обвиняешь меня. Неужели же я такая невольница, что в своем доме, разговаривая с сыном, не могу высказать своего мнения? Тем хуже для господина Веренфельса, если он шпионит и подслушивает у дверей, как настоящий лакей. А может, это проявление сильной обидчивости имело целью добиться прибавки жалованья? И если он в самом деле так оскорблен, пусть уезжает, никто о нем не заплачет.

Граф слушал с возрастающей досадой.

– Твои капризы совершенно ослепляют тебя. Веренфельс твердо решил оставить наш дом, но я не хочу лишиться этого человека. Он необходим для Танкреда, который преобразился под его влиянием. Когда ты мне возвратила мальчика, речь и манеры его были таковы, что можно было предположить, что он рос в обществе хуже лакейского. Так вот, я пришел сказать, что предоставляю тебе выбрать одно из двух: возвратиться в Рекенштейн, чтобы там посвятить себя воспитанию сына, или же извиниться перед Веренфельсом, уговорить его остаться, обещая ему на будущее время относиться к нему надлежащим образом.

– В своем ли ты уме? – воскликнула Габриела, задыхаясь от волнения; ее тонкие ноздри трепетали, и дрожащими пальцами она ощипывала цветок, который держала в руках.

– В полном рассудке и повторяю, что до завтрашнего вечера даю тебе время подумать, а затем, если Веренфельс останется при своем решении, я всех перевезу в Рекенштейн. Не хочу более сцен в моем доме из-за твоих беспричинных капризов и твоих фантазий. И, клянусь честью, сдержу слово, отвезу тебя в замок и не буду давать ни одного талера на твои туалеты. Не рассчитывай и на Арно относительно этого пункта; считая себя виноватым за то, что ненавидел тебя прежде, он хочет заглавить эту вину своей щедростью, как проявлением сыновней любви. Но я сумею запретить ему всякое вмешательство в это дело.

Бледная, с пылающим взглядом Габриела вскочила с дивана так порывисто, что корзина с цветами покатила на пол.

– Мне, твоей жене, ты осмеливаешься предлагать такой выбор?! – взвизгнула она. – Ты опять хочешь выгнать меня своей грубостью? И в этот раз из-за такого...

Голос изменил ей.

Граф тоже встал. Он был бледен, но спокоен; ему были известны эти сцены бешенства и упреков, этот ад, который заел его и состарил преждевременно.

– Успокойся, Габриела, подобные припадки разрушают здоровье, – сказал он, кладя руку на ее плечо. – И позволь заметить, что ты слишком злоупотребляла подобными сценами, чтобы это могло еще производить на меня впечатление. Я простил тебе не с тем, чтобы ты снова начала эту игру; терпение мое истощилось, и ты забываешь мои права на тебя. С моего разрешения ты не уедешь как в первый раз; если же ты сделаешь это без моего согласия – я разведусь с женщиной, которая дважды бежала из моего дома. И тогда ты ничего не получишь от меня, кроме пожизненной пенсии.

Графиня слушала, широко раскрыв глаза и трепеща от злобы.

– А, – воскликнула она, сжимая голову обеими руками, – да будет проклят день, в который я вымаливала твоего прощения и отдалась в твою власть, связанная по рукам и ногам.

Повелительный тон и твердый взгляд мужа убедили ее, что угроза его была серьезна. Охваченная безумным бешенством, она кинулась к графу и крикнула, топя ногами:

– Уйди прочь, избавь меня от твоего омерзительного присутствия, я ненавижу тебя. Слышишь ты?

Граф отступил, побледнев и сдвинув брови, но он вынес достаточно много подобных бурь, чтобы всерьез испугаться этой сцены.

– И я того же мнения, что тебе необходимо остаться одной. Ты знаешь теперь мою волю, и я не отступлю от сказанного ни на йоту.

Когда Габриела осталась одна, ею овладел как бы припадок сумасшествия. Она кричала, бегала по комнате, рвала на себе платье, билась головой об стену и, наконец, обессиленная упала на ковер, усыпанный обрывками батиста, кружев, измятых лент, оципанных цветов. Сицилия, ее преданная камеристка, которая служила ей с самых первых дней ее супружества, по опыту знала, какие меры принимать в подобных случаях. Она подняла ее и отнесла на кровать, затем омыла лицо графини розовой водой, положила на лоб компресс и дала успокоительных капель.

Молодая женщина отдалась в ее распоряжение, полный упадок сил сменил безумное возбуждение. Мало-помалу она успокоилась и заснула тяжелым сном, который продолжался несколько часов.

Ни к завтраку, ни к обеду графиня не появлялась. Танкред хотел войти к ней, но Сицилия не пустила его.

За обедом мальчик сообщил о своей неудавшейся попытке навестить мать. Готфрид тотчас понял причину этой болезни, но так как граф ничего на это не сказал и не упомянул об их вчерашнем разговоре, то и Веренфельс промолчал и поспешил уйти со своим воспитанником к себе.

Наблюдая, несколько рассеянно, за своим учеником, который готовил уроки, молодой человек предался раздумью. Необходимость оставить дом, где он рассчитывал найти спокойную, надежную пристань, сильно смущала его. Вместе с тем его преследовал образ Габриелы, мысль, что эта женщина втайне любит его, неотвязно приходила ему на ум.

Он уловил накануне пламенный предательский взгляд, обращенный к нему. Но он отгоял от себя подобное предположение, припоминая лишь дерзкие, презрительные слова, которыми она осыпала его.

Извинение

Было часов около восьми, когда лакей пришел доложить Готфриду, что кто-то желает с ним говорить и просит его выйти в коридор. Молодой человек встал несколько удивленный и им овладело чувство неудовольствия, когда он увидел, что его ожидала Сицилия, камеристка графини.

– Извините, что я беспокою вас, господин Веренфельс, – сказала она, видимо смущенная, – но графиня прислала меня просить вас прийти к ней на минуту по делу.

Веренфельс сдвинул брови.

– К сожалению, я не могу исполнить требования графини, и у нас с ней нет никакого дела, насколько мне известно. Но если ей угодно будет прислать мне сказать, какое это дело, то я к ее услугам.

Сицилия не двигалась с места и в волнении крутила край своего передника.

– Господин Веренфельс, – сказала она вдруг, понижая голос, – прошу вас, не усложняйте еще более того, что и так очень сложно, и не отказывайтесь от коротких переговоров, которые избавят всех от больших неприятностей. Позволяю себе сказать вам, что сегодня утром была страшная сцена из-за вас между барином и барыней. Старый граф бывает подчас очень жестким.

Готфрид понял, что графиня решила извиниться перед ним по требованию графа. Это ставило молодого человека в тяжелое положение, но мог ли он, несмотря на свое к тому отвращение, отказаться от этого свидания?

– Хорошо, я иду.

Камеристка попросила его подождать в маленькой зале; затем, приподняв портьеру, сказала:

– Пожалуйста, графиня вас ждет.

Готфрид вошел в будуар, освещенный лампой, подвешенной к потолку; другая лампа под кружевным абажуром на красной шелковой подкладке стояла на столе возле дивана. В комнате, казалось, никого не было. Молодой человек взглянул вокруг с удивлением, но в ту же минуту увидел Габриелу, сидевшую на подоконнике, покрытом плюшевой подушкой. Она была в белом пеньюаре, и ее длинные, черные косы резко выделялись на нем.

Готфрид, взглянув на нее, тотчас понял, чего ей стоило это свидание. Она была бледна, как ее белое платье, и руки ее, опущенные на колени, были крепко сжаты. Он подошел к ней, холодно поклонился и, устремив на нее взор, спросил:

– Что вам угодно, графиня? Я к вашим услугам.

Габриела хотела ответить, но ее дрожавшие губы отказывались ей служить.

– Я помимо моей воли тревожу вас, графиня, и, надеюсь, что вы скоро будете совершенно избавлены от моего присутствия, – сказал Готфрид с горечью.

Молодая женщина с трудом преодолела себя и, указав рукой на стул, промолвила:

– Я для того именно и желала видеть вас, чтобы просить остаться при моем сыне и не покидать нашего дома.

– Это невозможно, графиня, после того, что произошло.

– Но я хочу тоже выразить вам мое сожаление, что оскорбила вас, и обещаю, что никогда впредь вы не будете иметь причины жаловаться на недостаток уважения к вам. Если же вы останетесь при своем намерении отказаться от места, то это может вызвать мой развод с мужем. А я не думаю, чтобы вы этого желали.

Она говорила медленно, будто ей не хватало воздуха, затем замолчала и устремила взгляд на своего собеседника. Множество разнородных чувств отражалось на его красивом, выразительном лице. Прежде всего он был неприятно удивлен; затем его смутила мысль, что из-за

него разразилась такая гроза между супругами; но когда взгляд его упал на врага, на эту красивую, молодую женщину, так смирившуюся перед ним, в сердце его мгновенно пробудилось все его рыцарское великодушие; он быстро подошел к Габриеле и со свойственной ему симпатичной откровенностью сказал:

– Я остаюсь, графиня, и молю вас простить мне резкие слова, которые вырвались у меня вчера и были для вас причиной неудовольствия; это тем более тяжело, что я сам виноват, позволив себе в зимнем саду коснуться неосторожно оскорбившего вас вопроса. Я пойду сейчас сказать графу, что остаюсь при вашем сыне. Избави меня бог быть невольной причиной семейного несчастья.

Габриела слушала, прислонясь к окну и закрыв глаза. Хаос чувств кипел в ее груди. Она ненавидела Готфрида за его холодность, за унижение, которого он ей стоил; но когда его враждебная сдержанность смягчилась, когда на нее устремились его глаза, горящие сердечным сожалением, вся злоба ее исчезла и уступила место странному мучительному чувству, непобедимому очарованию, которое приводило ее в упоение.

При последних словах молодого человека она подняла голову.

– Отчего вы говорите: «семейное несчастье»? Разве вы в самом деле думаете, что развод со старым, больным и жестким человеком может быть для меня несчастьем? Когда сорокалетний мужчина искушает пятнадцатилетнюю девочку своим титулом, своим богатством, своим положением, реакция сердца неизбежна. И я не хочу более отрицать. Да, люблю Арно, и ваши упреки в зимнем саду были вполне заслужены. И так как я не могу принадлежать моему пасынку, то не хочу развода. Неужели преступление, что я люблю Арно и желаю быть им любимой?

– Я не имею права судить о таком щекотливом вопросе. Могу только жалеть графа Арно. Но я думаю, графиня, что вы ошибаетесь в ваших собственных чувствах.

Готфрид говорил без всякой задней мысли, но в Габриеле слова: «Вы ошибаетесь в ваших собственных чувствах» – вдруг подняли сильную бурю. Давно она подозревала, какого рода чувство внушал ей Веренфельс, и теперь ее волнение не оставляло ей никакого сомнения насчет несчастной страсти, покорившей ее ветреное сердце. И это сознание внушило ей мысль солгать, что она любит Арно.

Что значили слова Готфрида? Было ли то случайное мнение, или он подозревал истину, действительную причину ее ненависти, такой гордой, пылкой и страшной? Ей казалось, она умрет под тяжестью унижения от мысли, что холодный, сдержанный молодой человек угадал ее тайну. В эту минуту взоры их встретились, и в одно мгновение Готфрид понял то, что лишь подозревал. Под мимолетным впечатлением синие глаза выдали тайну, и лицо Габриелы вспыхнуло.

Графиня чувствовала себя сраженной; все фибры в ней дрожали, сердце ее билось так, что готово было разорваться, в глазах потемнело, и, боясь упасть с подоконника, она встала и ощупью искала спинку ближайшего кресла. Веренфельс невольно опустил глаза и хотел поспешно уйти, но, заметив смертельную бледность на лице Габриелы, которая с помутившимся взглядом едва держалась на ногах, он кинулся, чтобы поддержать ее.

– Боже мой! Вам дурно, графиня?

Его голос заставил ее очнуться; похолодевшие пальцы оттолкнули его руку, но едва она попробовала двинуться с места, как голова ее закружилась, и, изнеможенная волнениями этого дня, она упала без чувств на ковер.

Готфрид, не менее бледный, чем она, стоял с минуту, устремив глаза на простертую у его ног женщину. В нем тоже все бушевало и помрачало его обычное присутствие духа. Сознать себя любимым – опасный яд.

Выйдя с трудом из своего нравственного оцепенения, он нажал пуговку звонка и, как только вошла Сицилия, хотел уйти, но камеристка удержала его.

– Сделайте милость, помогите мне отнести графиню на кровать. Эта глупая Гертруда станет болтать в людской, когда узнает, что графиня упала в обморок во время разговора с вами. Потому я и не хочу ее звать, а одной мне не справиться.

Ничего не отвечая, молодой человек поднял Габриелу и, сопровождаемый камеристкой, которая указывала ему дорогу, принес и положил графиню на кровать. Спальней Габриелы была прелестная комната, достойная своей обительницы. Стены и мебель были обтянуты белым муаром; кровать с балдахином была украшена драпировкой из той же материи, с золотыми галунами и с вышивками; лампа под бледно-голубым колпаком разливала нежный свет, подобный свету луны.

Эта волшебная обстановка не могла не произвести некоторого впечатления на Готфрида. Со стесненным сердцем он стоял с минуту, устремив взор на Габриелу. Она лежала неподвижно на кружевных подушках, с закрытыми глазами, бледная и прозрачная, как идеальное видение. Затем вдруг, оторвав глаза от опасного созерцания, он поспешно ушел.

Сицилия стояла к ним спиной и озабоченно рылась в шкафчике, наполненном пузырьками с лекарствами. После ухода молодого человека она подошла к кровати и стала заботливо ухаживать за своей госпожой. Хитрая камеристка знала графиню до тонкости, была ее поверенной и имела на нее хотя и скрытое, но большое влияние. Для Сицилии причина ненависти Габриелы к воспитателю не была тайной, она угадывала ее, и эта скрытая любовь, более упорная среди многих мимолетных увлечений ее пылкой и прихотливой госпожи, не нравилась ей.

Веренфельс вернулся к себе тяжело взволнованный. Графиня любила его, он больше в этом не сомневался. Но какое фатальное положение создавала ему эта страсть.

«Уезжай, несмотря ни на что. Твой долг покинуть этот дом, – нашептывал ему его добрый гений. – Борьба против любви такой красивой женщины опасно, не играй с огнем, обожжешься!» Но другой голос, под внушением какого-то необъяснимого чувства, шептал ему: «Ты не можешь уехать, обещая остаться. Имеешь ли ты право вызывать семейную ссору?» И он чувствовал себя как бы прикованным невидимой цепью.

Молодой человек облокотился на стол, сжимая рукой пылающий лоб. Колеблясь между двух противоречивых внушений, он решил на компромисс, эту первую ступень падения. И сказал себе: «Я уеду, но не сейчас, буду ждать первого же приличного предложения».

Так как ему хотелось покончить скорей с этими колебаниями, он встал и тотчас пошел к графу, где нашел и Арно, который только что возвратился в замок.

– Граф, – сказал он после короткого обмена незначительными фразами, – я пришел извиниться за резкость моих вчерашних слов и благодарить вас за ваше доверие и доброту ко мне, превышающие мои заслуги; с глубокой благодарностью я остаюсь в вашем доме и по-прежнему буду заниматься воспитанием Танкреда.

– Вы объяснились с моей женой? Обещала она быть впредь благоразумней?

– Я сейчас говорил с графиней и обещал не делать ничего, что могло бы причинить ей неудовольствие. Ах, граф, вы поставили меня в очень неловкое положение; я и не воображал, что вы так строго отнесетесь к этому вопросу. Тяжело видеть, когда женщина вынуждена смириться, и графине было так трудно этому подчиниться, что, когда я ушел, ей сделалось дурно.

Арно слушал молча, но при последних словах у него невольно вырвалось глухое восклицание, и, как только Готфрид ушел, он сказал с волнением:

– Как ты мог, отец, отнестись к Габриеле с такой безжалостной суровостью? Личное извинение было совершенно излишне. Веренфельс мог бы удовлетвориться и чем-нибудь меньшим для того, чтобы остаться. Вчера он достаточно отплатил за обиду. Бедная женщина! Что, если ее здоровье пострадает от такого тяжелого унижения?

– Милый Арно, если б ты имел счастье быть, как я, одиннадцать лет мужем Габриелы, – сказал граф спокойно, с горькой улыбкой, – ее обморок не встревожил бы тебя так. Богу известно, каких мук мне стоило это завидное счастье. От души желаю, чтобы судьба избавила

тебя от такой доли и послала тебе жену кроткую, чистую и любящую, какой была твоя мать. С нею я наслаждался истинным счастьем и душевным спокойствием. Но женщины, которые обладают такой демонической красотой, как Габриела, вызывающей страсть, но ничего не дающей сердцу, и поклоняются лишь самим себе, – неизбежно делают человека несчастным. Я привык к этим супружеским бурям, они разыгрывались всегда вследствие моей неуступчивости, моего нежелания сделаться нищим. Габриела разорила бы любого, будь он богат как царь, если бы дали ей волю.

Молодой граф опустил голову. Несмотря на свое ослепление, он чувствовал, что отец прав и что, конечно, он должен был много страдать, чтобы состариться прежде времени и иметь силу сопротивляться женщине, которую так страстно любил.

– Ты наведишь ее? – спросил он тихо.

– Нет, это вызвало бы новую сцену, – сказал спокойно граф. – Она очень сердита, что я осмелился принудить ее к чему-то, и не захочет меня видеть. Ко всему этому надо относиться терпеливо. Конечно, в первые годы нашего суп ружества такие раздоры отнимали у меня сон и мирное настроение духа, и я заплатил тяжелую дань нравственной борьбе, прежде чем приобрел необходимое спокойствие, чтобы выносить такие бури. Но ты, Арно, походи к ней, поговори с ней серьезно и узнай, не нужно ли ей доктора.

– Я сейчас иду, отец, раз это ты позволяешь, и постараюсь ее успокоить.

Молодой человек вышел очень взволнованный посвящением в супружеские отношения отца и мыслью, что он проникнет в святилище этой пленительной женщины.

Сицилия радостно встретила его у дверей комнат графини.

– Слава богу, что вы пришли, граф, – воскликнула она. – Ваше присутствие, конечно, хорошо подействует на графиню; она в страшно нервном состоянии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.